

АЛИСА ГОРДЕЕВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЛЕРОЙ

Обещают забыть

Алиса Гордеева

Лерой. Обещаю забыть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68448458

SelfPub; 2022

Аннотация

Его любовь зрела в сердце годами.Её – и того дольше.Безжалостная, безответная, выворачивающая наизнанку – она сумела разрушить обоих, чтобы однажды соединить навсегда.Арина. Я слишком поздно появилась в жизни Лероя. Мелкая девчонка с ветром в голове и постоянными капризами. Он смотрит на меня с умилением, оправдывая шалости юным возрастом. А я просто люблю, как никто никогда не любил.Лерой. Моё сердце давно онемело от боли, а вера в людей превратилась в пыль. В этом городе сером каждая мелочь напоминает о Горской и её нелюбви. Единственный выход – продать свой охранный бизнес и уехать. Но я по глупости соглашаюсь помочь Петру Кшинскому и беру на себя защиту его дочери Арины. Если бы я только знал, чем обернётся для меня это последнее задание!

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Новая семья	7
Глава 2. Первая встреча.	23
Глава 3. Месть	41
Глава 4. Аукцион.	54
Глава 5. Не супермен.	69
Глава 6. Забыть	82
Глава 7. Гепард	87
Глава 8 В шкафу	94
Глава 9. Мой	108
Глава 10. Заноза	117
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Алиса Гордеева

Лерой. Обещаю забыть

Пролог

Пальцы медленно скользят по бархатистой поверхности бумажного стаканчика с остывшим кофе. Наверно, с кофе... Я так сильно был увлечён наблюдением за ней, что сейчас и не вспомню, что заказал. Да и чёрт с ним, всё равно ничего не хочу! Хотя нет, хочу разбить нос этому смазливому придурку, который так по-свойски сжимает её ладонь. Хочу, и даже очень.

Глупая! Она снова простила его. Сидит рядом, не сводит с него влюблённых глаз, слушая очередные простецкие байки, и смеётся. Неужели не видит фальши?

Рука нервно опускается на кожаную оплётку руля. Чувствую, что устал.

Третья ночь без сна...

Её слова в голове...

И тот дурацкий звонок от него...

Он её не любит. Играет, использует, обманывает, но не любит! Знаю наверняка...

А она верит. Ему, а не мне.

Теперь только так.

Решаюсь сделать глоток. И всё-таки это кофе – крепкий, горький, остывший. Он отвлекает от таких же мыслей, но, чёрт, совсем ненадолго!

Опять смотрю в сторону дальнего столика на открытой веранде. Сколько ещё они собираются сидеть в этом кафе? Сколько? Времени десятый час. Если не привезу девчонку к одиннадцати, её отец спустит с меня три шкуры. Да и ладно! Откидываюсь на спинку кресла и закрываю глаза: чертовски неприятно смотреть на чужое счастье, понимая, что своё разрушил сам. В этом я мастер!

– Когда-нибудь кофе тебя погубит, – щебечет она нежным голосом и с улыбкой садится рядом.

– Иди назад! – недовольно бурчу, выполняя распоряжение босса возить девчонку только на заднем сиденье автомобиля.

– Лерой, не ворчи. – Она пристёгивает ремень и с ходу начинает копаться в магнитоле. – Господи, как ты это слушаешь?!

Понимаю, что спорить бессмысленно. Завожу мотор и срываюсь с места, постепенно сливаясь с общим потоком авто на трассе.

– Помирились? – спрашиваю, заведомо зная ответ.

– Ага! – кивает, расплываясь в широченной улыбке. А у меня всё сжимается внутри: она счастлива с ним!

Стараюсь не смотреть в её сторону, но тонкие проворные пальчики то и дело мельтешат в зоне видимости, безжалостно бракуя мой плейлист.

– Потому такая довольная? – не выдерживаю её молчания, словно чувствую, что ей есть чем меня удивить.

– Не только, – наконец остановившись на какой-то барабанищей по ушам композиции, отвечает она, с трудом сдерживая рвущуюся на волю радость.

– Что ещё? – спрашиваю я, стараясь, чтобы мой голос звучал равнодушно и пренебрежительно.

– Я замуж выхожу, Лерой!

Резко торможу. Ремень безопасности впивается в кожу, а руки – в руль. Авто, встрепенувшись, резко останавливается на обочине, поднимая за собой огромные клубы пыли.

– Повтори! – смотрю на девчонку и мысленно заклинаю ту свести всё в шутку.

– Что, со слухом проблемы? – ехидно спрашивает она. – Я замуж выхожу! Свадьба через месяц!

Глава 1. Новая семья

Три года назад

Арина

Когда тебе пятнадцать, мир вокруг не имеет оттенков: всё либо чёрное, либо белое; либо в кайф, либо дико раздражает.

Смотрю на отца и с силой сжимаю кулаки, мысленно проклиная этот день и эту дрянь рядом с ним. Очередная блондинистая кукла, позарившаяся на состояние старика и его имя. Пётр Кшинский – вдовец, до этого момента завидный жених и по совместительству мой отец. Сегодня его день. Хотя это он так думает и даже кажется счастливым.

Влюблённый дурак! Как он может упорно не замечать, что ей, как и всем, нужны только его деньги?! Глупец! Неужели не чувствует, что пригревает змею на груди?!

Белое платье. Фата.

Господи, тоже мне, невеста за сорок!

Кольца. Гости. Звон бокалов.

А я до последнего надеюсь, что отец передумает и прозреет, в конце концов.

Но нет, заветное «да» эхом отдаётся в ушах. Вот и всё. У меня новая мама и в довесок старший брат, такой же, как и она, наглый, жадный и недалёкий.

Пара часов в ресторане с натянутой улыбкой, и, наконец, родной дом. Не успевает Родион заглушить двигатель, как я

вылетаю из салона на свежий воздух, громко хлопая дверцей безумно дорогого авто.

– Арина Петровна! – доносится мне вслед голос водителя.– Вы оставили.

Оборачиваюсь и вижу, как Родион протягивает мой мобильный.

– Спасибо, Родик, – небрежно бросаю и хлопаю его по плечу в знак благодарности.

– Доброго вечера, Арина Петровна!

Чёрт! Как же меня это бесит! Мне пятнадцать! Всего пятнадцать! Но по требованию отца вся прислуга обращается ко мне по имени и отчеству. Ощущаю себя столетней старухой со сморщенной физиономией, но терплю и улыбаюсь. Это вообще отныне мой девиз по жизни!

– Спокойной ночи, Родик!– отвечаю водителю.

Родик... На его месте я давно бы сделала из себя отбивную за подобное панибратство. Нет, серьёзно, мужику за сорок, а какая-то мелкая пигалица по имени Арина Петровна кличет его, словно дворового щенка.

Когда-нибудь я изменюсь: стану более ответственной, более внимательной и чуткой. Перестану дурить, обижать своими словами окружающих и начну чаще думать головой. Когда-нибудь... А пока мне пятнадцать, и загонять себя в нудные рамки приличия я не собираюсь.

– Сестрёнка... – эхом разносится по огромной гостиной отстойный голос моего теперь уже брата.– Ну что, всё-таки

будем жить под одной крышей? А ты не верила! Глупая и недалёкая мелочь!

Смотрю на него, и внутри фейерверками вспыхивает ярость. Боже, как же хочется подбежать к этому кучерявому качку с пустым бесцветным взглядом и расцарапать его смазливое личико, чтоб перестал отсвечивать!,

– О, Кирюша! – делаю удивлённый вид и растягиваю губки в очаровательной улыбке. – Мой папа самый добрый и отзывчивый человек на свете. В который раз убеждаюсь!

– Ты о чём, болезная?

– Ну как же! Кто-то котят бездомных в дом тащит, ну, а папочка с помойки бомжей в дом приводит. Но ты не переживай, Кирюх: мы вас отмоем, немного подкормим и подопнём куда подальше.

По глазам новоиспечённого брата вижу, что слова достигли цели. Отлично! Боевые действия считаю открытыми!

Пробегаю мимо взбешённого Кира, нарочно задевая его плечом, и уношусь в свою комнату на втором этаже. Знаю, что этот придурок даже пальцем не посмеет меня тронуть. Мой старик доходчиво ему объяснил: одна моя жалоба – и Кира отправят в закрытый интернат. А этот качок явно мечтает насладиться мажористой жизнью на свободе.

Однако Кир не знает, что интернат в случае чего грозит нам обоим. Что ж, если не могу сослать этого недоумка, то подпортить ему жизнь – запросто!

Вваливаюсь в свою комнату и запираю дверь: всё, теперь

я могу, наконец, выдохнуть. Это я с виду такая дерзкая, но здесь, в уютной и родной обстановке, ещё сохранившей тепло маминых рук, позволяю себе быть слабой и ранимой.

Не снимая дизайнерского платья, запрыгиваю на кровать и крепко прижимаю к себе Шурика. Мягкий, потрёпанный жизнью плюшевый заяц покорно принимает мои объятия и внимательно слушает всё, что не могу поведать больше никому. Ещё два года назад вместо него была мама, добрая, ласковая, понимающая, без этих силиконовых вставок и утиных губ, без алчности в глазах и нелепой гламурности. Просто мама – родная, любимая, единственная.

Мне её не хватает – до боли в груди, до онемения кончиков пальцев, до безудержных срывов по ночам... Без неё мне плохо, одиноко, пусто, и только Шурик, сшитый её руками по нелепой выкройке из какого-то детского журнала, помогает найти в себе силы просыпаться по утрам и не свихнуться от закидонов отца.

Стук в дверь.

Наспех вытираю слёзы и натягиваю маску золотой девочки-подростка.

На пороге стоит отец. Наконец-то старик забыл на мгновение о своей Снежане и вспомнил обо мне. Хотя...

В его взгляде я не вижу тепла, понимания и нежности. Его новая жена давно выжгла эти глупые чувства похотью, расчётливостью и высокомерием.

Вот и сейчас он стоит передо мной, подбирая слова, но

не для того, чтобы утешить меня, а скорее, в очередной раз указать на моё место.

– Арина, я, кажется, просил соблюдать нормы приличия! Почему опять мне приходится краснеть за тебя?

– Что на этот раз, пап?

– Кирилл – хороший мальчик, дочка. – Отец искренне верит в свои слова. – Не стоило говорить ему гадости!

– Пожаловался, что ли? – усмехаюсь, представляя, как здоровенный лоб ябедничал на меня старику.

– Арина, – осаждает меня предок. – Я всё слышал, и Снеженька тоже.

Рвотный рефлекс подступает к горлу всякий раз, когда ушей касается это приторное «Снеженька» из его уст. Невольно кривлю губы и прищуриваю глаза.

– Ты совсем забыл маму, да?

– Не начинай, дочь! – повышает голос отец, вместо того чтобы просто обнять и разделить мою боль. – Твоей матери больше нет! Давно пора смириться и жить дальше!

– Два года – это давно, по-твоему? – еле сдерживая слёзы, шепчу, глядя в родные глаза отца изумрудного цвета. Когда-то это был мой любимый цвет. Когда-то...

– Мы не будем снова возвращаться к этой теме, Арина! Тем более, внизу меня ждёт жена! Хотя бы в столь важный для меня день ты могла бы вести себя чуточку вежливее.

Мне впервые хочется послать отца к чёрту, захлопнуть перед его носом дверь, а ещё лучше испариться.

– Ненавижу её! – выплёвываю в лицо старику. – И тебя тоже! Два года – это не тот срок, папа, чтобы всё забыть! Ты предал маму, ты предал меня, притащил в дом силиконовую куклу без души и сердца! И сейчас ради этой стервы...

Звонкая пощёчина, обжигающая щёку, останавливает меня на полуслове. Ради своей новой игрушки он впервые позволяет себе поднять на меня руку.

В моих глазах – страх и разочарование, в его – пустота. Прижимаю ладонь к горячей щеке и наивно жду, что отец извинится. Только он молчит. А через мгновение разворачивается и уходит к ней. Теперь он всегда выбирает её.

Стою, глотая слёзы, и смотрю вслед его мощной, некогда самой дорогой и любимой фигуре, понимая, что в прошлом для него осталась не только мама, но и я.

Два дня спустя.

– Риночка, ты совсем ничего не ешь! – скорчив заботливую физиономию, причитает мачеха, хотя по большому счёту ей всё равно. Сидящий рядом с ней отец – залог её великолепного артистического таланта.

– Наверно, опять худеет, – язвите Кир.

– Девочка моя, ты и так тощая, – участливо замечает Снежана. – Мужчины таких не любят. Правда, Петенька?

– Да, солнышко. – Отец на мгновение отвлекается от утренней газеты, совершенно не вникая в суть разговора.

– Ма-а, – протягивает великовозрастный детина со щетиной на щеках, – ну какие ей мужчины? Она ж ещё с мягкими

игрушками зависает!

Голос невинный, а в глазах – желчь. Он ненавидит меня ничуть не меньше, чем я его. Смотрит злорадно и ждёт, когда внутри меня закипит ураган. Этот подонок знает, что стóбит надавить ещё немного, и я взорвусь.

– Мне вот интересно... – Отложив вилку, братец поднимает на меня взгляд и с издевкой спрашивает: – Если оторвать твоему уродливому зайцу в заплатках лапы, заноешь?

– Ненавижу, – шепчу одними губами, прожигая Кира презрительным взглядом, а потом аккуратно встаю из-за стола. – Спасибо большое, всё было очень вкусно! Снежана, ваш омлет с каждым днём всё лучше и лучше: сегодня скорлупа уже почти не скрипела на зубах.

Наблюдаю, как отец начинает напрягаться, готовый броситься в бой за свою новоиспечённую жёнушку, но резкими словами ставлю шах и мат:

– А ты, Кир, расскажи лучше, как вчера в гараже, паркуя мотороллер, поцарапал крыло отцовского «Мазерати», а потом заходи ко мне в гости – будем плакать вместе!

Знаю, что эксклюзивная тачка неприкосновенна. Даже дышать на неё разрешается под строгим контролем. Так что Кирюша огрѐб по самые помидоры! Хотя и близко не подходил к авто. Но это ему ещё предстоит доказать.

Довольная своей маленькой мстью, разворачиваюсь и спешно убегаю из дома. Слушать причитания Снежаны, бление Кира и ругань отца у меня совершенно нет никакого

желания.

Уже через полчаса Родик паркует «Ауди» возле огромного спорткомплекса на окраине города. Хватаю объёмную сумку и выпрыгиваю из прохладного салона авто в жаркое лето. Август в этом году удался на славу!

– Арина Петровна, – окликает меня Родик. – Во сколько вас забрать?

– После трёх, как обычно, – улыбаюсь ему и ускоряю шаги, замечая возле входа яркую копну рыжих волос подруги.

– Полька, меня подожди! – кричу вслед девчонке и приветливо машу рукой.

Полина Солнцева – моя лучшая и единственная подруга. Пару раз в неделю нам удаётся пересечься в стенах спорткомплекса: Поля занимается баскетболом, а я уже седьмой год оттачиваю мастерство в спортивных бальных танцах.

– Привет, Чудо! – На веснушчатом лице подруги расцветает широченная улыбка. Рыжая, словно лисичка из сказки, с хитрющими зелёными глазами, Поля раскрывает объятия и сжимает меня в них, как будто с нашей последней встречи прошло больше года. – Как свадьба? Отец всё-таки сказал «Да»?

– Ага, – едва выбравшись из рук девчонки, пишу в ответ. – У меня теперь большая и дружная семья!

– Эй, не раскисай! – Поля треплет меня по голове.

С тех пор как разница в росте у нас стала просто катастрофической, это – её любимое занятие.

– Конечно, фигово, что Стервелла теперь жить будет в вашем доме, – без тени сожаления заявляет девчонка, – но посмотри на это с другой стороны: может, Пётр усмирит свой тотальный контроль над тобой и переключится всецело на белобрысую ведьму? Тогда мы сможем видеться гораздо чаще, а не только встречаться здесь перед тренировками. Да и Кир...

– Не начинай, Поль! – осаждаю подругу, а та обнимает меня за плечи и ведёт в сторону кафетерия на первом этаже.

– Сейчас тётя Глаша нальёт нам по стаканчику чая, а ты мне всё расскажешь, – не унимается та.

– Поль, ну что рассказывать? Ты и так всё знаешь! – ворчу в ответ.

– Они уже переехали к вам? Где Пётр поселил Кира? И вообще, каково это – жить с первым красавчиком школы под одной крышей?

– Поля! – возмущаюсь, усаживаясь за наш столик возле окна.

– Арин, я семнадцать лет уже Поля! Ну же! – начинает клянчить она, – расскажи!

О её глупой влюблённости в Кира не знает, пожалуй, только ленивый. С тех пор как отец перевёл его в наш лицей полгода назад (конечно, по слёзной просьбе Снежаны), не проходит и дня, чтобы Поля не вздыхала по этому придурку. Её не смущает, что парень – полный отморозок, что у него в голове звенящая пустота, а в сердце камень. И даже тот факт,

что Кир абсолютно игнорирует существование Солнцевой, никак не ослабляет её чувств к нему.

– Он дурак, Поль! Даже хуже, – в сотый раз пытаюсь достучаться до подруги. – Бесчувственный хам и эгоист! Знала бы ты, как я надеялась, что отец отправит его в интернат! Но нет, старик дал ему ещё один шанс!

– Арин, какой интернат?! Ты с ума сошла! – округляет глаза подруга. – Лучше расскажи, что Кир любит на завтрак?

– Не знаю, – печально вздохнув, отвечаю Полине. – Мне хамить любит. А из еды... Он всеядный. Жрёт, как лошадь!

Вижу по глазам, что Польке неприятно всё это слушать, и, честно, хочу быть с ней мягче, но не выходит.

– Поль, ну что ты в нём нашла, а?

– Так сразу и не скажешь. Он красивый, высокий, а его светлые завитки на голове так и вовсе не дают покоя, – расплывается в мечтательной улыбке Поля. – Я его люблю, Рин. Как-то так...

– Да разве любовь такая? Неужели за кудряшки любят? – Сейчас подруга напоминает мне отца: тот тоже повёлся на красивый фантик. Правда, когда дойдёт до начинки со вкусом дуриана, будет уже поздно...

– Ой, Арин, влюбишься – узнаешь! – парирует Поля и артистично закатывает глазки.

– Да, глядя на вас с отцом, что-то и желания никакого нет, – бурчу в ответ.

– Ну-ну, просто ты ещё парня своего не встретила! Вот

увидишь, как найдёшь того самого, напрочь забудешь и про гордость, и про слова свои.

– Никогда! – решительно отрезаю в ответ. Я себя знаю: унижаться ради внимания к собственной персоне я не стану ни за какие коврижки.

– Спорим?– спрашивает подруга, растягивая губки в хитроющей улыбке, словно знает что-то, чего пока не знаю я.

– Легко, – соглашаюсь с Полинкой. Пусть даже не думает, что она права.– На что спорим?

– На желание!

– Договорились! Я не проиграю!

Несколько часов усердных тренировок пролетают как одно мгновение. Танец – моя стихия. Я растворяюсь в нём, отдаюсь целиком, сливаюсь с зажигательными ритмами самбы и парю под звуки медленного вальса. Не замечаю усталости и того, как гудят ноги от нескольких часов на каблуках в постоянном напряжении. Мне мало! Хочется ещё и ещё.

– Арин, давай по домам, – вздыхает Толик. Мы с ним занимаемся в паре последние лет пять. Он такой же неутомимый, импульсивный, страстный в своих движениях и жадный до высоких результатов, как и я, но сейчас и его силы иссякли.

– Сезон не за горами, Толь, – обречённо вздыхаю я. Моя мечта – попасть на международные соревнования в Венгрии, но для этого нужно как следует поработать. Марина Сергеевна, наш тренер, усложнила латиноамериканскую программу

по максимуму, и оттачивать новые элементы до совершенства нам предстоит ещё долго. Но через силу заставлять Зубова танцевать бесполезно, потому даже не жду, что он согласится на ещё один прогон.

– Успеем, и так каждый день на паркете, – отмахивается парень и идёт к окну, где на подоконнике его дожидается бутылка с водой. – Мать попросила с мелкой посидеть, так что извини.

Деваться некуда, и я соглашаюсь. Хватаю вещи и тащусь в раздевалку. От одной мысли, что ждёт меня дома, мне становится не по себе. Вряд ли отец спустит мне с рук утреннюю выходку.

– Арина Петровна, у вас всё хорошо? – доносится с водительского места спустя минут десять пути участливый голос Родика.

– Да, – коротко отвечаю, не желая обсуждать с ним свои проблемы. Мы не друзья.

– Пётр Константинович просил сообщить, что сегодня ужинает не дома. Они со Снежаной Игоревной уехали, – излагает Родик, а я выдыхаю: очередной разговор с отцом по душам откладывается в долгий ящик. Ещё пара дней, и старик даже не вспомнит, что я учудила.

– Кир с ними уехал?

Мысленно скрещиваю пальчики, но Родик быстро возвращает меня на Землю:

– Нет. Кирилл Вячеславович дома.

– Чёрт! – вырывается чуть громче, чем рассчитывала. Ловлю на себе вопросительный взгляд водителя, но отвечать не считаю нужным. Ничего не изменилось – мы не друзья.

Огромный дом встречает меня какой-то недоброй тишиной и предвкушением мести Кира. Стараясь не шуметь, на цыпочках пробираюсь в свою комнату и, повернув в замке ключ, выдыхаю.

«Наверно, придурок ушёл куда-нибудь», – проносится в мыслях.

Прижимаю к себе Шурика и подхожу к окну. Последние недели августа – моё любимое время года. Ещё лето, но природа словно чувствует, что красоваться осталось недолго. Ветки деревьев ломаются от изобилия яблок и груш. Аккуратные клумбы пестрят яркими цветами. Гладиолусы и астры, георгины и васильки словно чувствуют, что скоро я снова прибегу к ним за школьным букетом, выбирая самые красочные.

Под ложечкой нещадно сосёт. Есть хочется нестерпимо. Уже вечер, а кроме стакана чая в Полькиной компании да пары глотков утреннего кофе, я так ничего и не съела. Но и спускаться совершенно не тянет. Уверена, Кир только и ждёт, чтобы мне отомстить.

Хватаю томик со стихами и с ногами сажусь на диван, но строчки упорно отказываются звучать в моей голове. Когда я голодна, всё остальное теряет значение.

Дожили, я прячусь от неадекватного подростка в соб-

ственном доме! Где справедливость?

Захлопываю Блока и решительно несусь вниз. Пусть Кир только попробует помешать мне!

Совершенно не стесняясь, не пытаюсь быть тише, залетаю на кухню и, открыв дверцу холодильника, замираю: дыня! Маленькими кусочками, аккуратно разложенными на блюде, она красуется на центральной полке, завораживая своим ароматом и сочностью. Облизываюсь в предвкушении лакомства и тянусь за тарелкой, как вдруг на мои плечи опускаются чужие ладони, и мерзкий голос шепчет прямо в ухо:

– Проголодалась, сестрёнка?

Вместе с тарелкой резко разворачиваюсь к придурку, пытаюсь выбраться из его хватки, но тот не отступает.

– С дороги уйди, – шиплю ему в ответ.

– А то что? Папочке пожалуешься? – противно ухмыляется Кир, но не отходит.

И что только Поля нашла в этом бугае?! Под два метра ростом, здоровый, как лось, но ума и воспитания не больше, чем у таракана! Бесит!

– Ох! – кривит физиономию Кир, – Петя тебе ещё долго не поверит. Заслужила, сестрёнка. Зато я теперь могу сделать с тобой что угодно! Идиотка ты, Рина! Сама себе яму выкопала!

– Иди к лешему, Кир! Высказался? Свободен! – Одной рукой продолжаю прижимать к себе тарелку, а второй пытаюсь отодвинуть братца, но тот, словно каменный, стоит на

месте.

– Думаешь, я поговорить с тобой хотел? – Кир бесцеремонно цепляет корявыми пальцами кусочек спелой дыни и закидывает себе в рот, смачно облизываясь.

– Да, мне плевать, что ты хотел! Руки свои убрал и отошёл! – Appetit напрочь испорчен, а дыню я теперь и вовсе захочу нескоро.

Парень выхватывает ещё один ломтик и медленно кладёт в рот, вызывая у меня отвращение, а затем липкими пальцами касается моих выбившихся из хвоста прядей волос, наматывая их, будто на бигуди. Его близость, наглость и совершенно ненормальное поведение настораживают. Он псих, не иначе! И что взбрѣдет в его чокнутую голову, неизвестно. Безуспешно дѣрнувшись ещё раз, притворяюсь, что его взяла. Опускаю плечи и поднимаю на Кира растерянный, слегка напуганный взгляд.

– Ладно, сдаюсь, – шепчу одними губами, заставляя его сосредоточить всё своё внимание на них. – Ты выиграл.

Вижу, как на лице парня расцветает победная улыбка, но ему явно мало. Что ж, свой шанс выйти из этой войны целым он упустил.

– Что мне сделать, чтобы ты меня прости́л? – силюсь не сорваться и не рассмеяться в лицо мерзавцу, который если и не верит в моё смирение, то явно делает вид. Дожидаюсь, когда его тушка подберѣтся ещё ближе, и со всей дури бью коленом в пах. Чѣрт! Приѣм древний, как мир, но срабаты-

вает безотказно. Кирюха, вспоминая всевозможные прозвища мамочки, складывается пополам и делает шаг назад. Но мне мало! Беру тарелку с дыней и надеваю ему на затылок, с наслаждением наблюдая, как кусочки нежной мякоти, путаясь в белокурых локонах, падают на пол.

Довольная своей маленькой мстью я хочу уже убежать к себе, совершенно позабыв про голод, как в прихожей раздаётся щелчок входной двери и в гостиной появляется отец, придерживая за локоток Стервеллу.

Секунда, две, три – и беззаботное выражение лица старика сменяется разъярённым, стоит только его взгляду зацепиться за скрюченного и липкого Кира.

– В мой кабинет, Арина, живо! – командует отец и, что-то шепнув на ушко жене, отрывистым шагом направляется в глубь дома. Я же плетусь следом.

– Это залёт, сестрёнка, – пропитанным ненавистью голосом шипит в спину Кир.

Глава 2. Первая встреча.

Арина.

– Арин, ты серьезно? Нашла из-за чего переживать! – Поля почти хохочет, глядя на мои надутые губки во время нашего разговора по видеосвязи. – Меня бы так родители наказывали!

Я уже жалею, что пересказала подруге слова отца. Конечно, со стороны его решение может показаться странным, но старик знал, куда бить. С каким удовольствием он озвучивал свой вердикт!

«Не хочешь по-хорошему? Что ж, Миша как раз устраивает прием в честь дня рождения дочери. Пойдешь с Кириллом вместе. И поверь, Арина: выкинешь очередной фортель – отправлю в интернат без всяких сожалений. Поняла?»

– Я, кстати, тоже иду, – щебечет Поля. – Прикинь, Леденцова и мне скинула приглашение.

Мария Леденцова, дочь отцовского друга и банкира Михаила Леденцова, – первая красавица нашего лицея, сладкая мечта всех парней и пример для подражания одноклассниц. Белокурая и голубоглазая, с кукольным личиком, она учится в одном классе с Полей и Кириллом. Но главное – Леденцова всегда презирала меня. Наши с ней пути разошлись еще в детстве, когда эта мымра облила вишневым соком мое белоснежное платье, сшитое мамой специально к моему деся-

тилетию. Никогда не смогу забыть, как триумфально Леденцова заявила тогда во всеуслышание, что я уродина и нищесбродка, которой не могут купить нормальной одежды. Дура! Разве способна была она оценить, сколько любви и заботы мама вложила в свою работу?! Тогда я впервые в жизни ударила человека. Признаюсь честно, с удовольствием повторю это снова. Леденцова и я несовместимы!

И, конечно, отец не нашел ничего лучше, чем заставить меня пресмыкаться перед этой Барби, да еще на глазах у Кирилла.

– Ринка, не кисни!– окликает подруга.– Я буду рядом! Поверь, Машка и слова тебе не скажет. Она, конечно, стерва, но при родителях будет тише воды, ниже травы.

– В том-то и дело, Поль, что родители её уедут: большая девочка отрываться будет по-взрослому.

– Тем более круто! – не сдерживает радости Поля, но, заметив мой не очень довольный вид, тут же добавляет:– Леденцовой и без тебя забот хватит, а внимание Кира обещаю перетянуть на себя. Все будет пучком, Рин!

Соглашаюсь с подругой и даже нахожу в себе силы проболтать с ней еще минут сорок, но волнение не отпускает. Интуиция меня редко подводит: ничего хорошего из этой вечеринки не выйдет.

Когда не нужно, время летит с бешеной скоростью. Вот и вечер субботы наступил слишком быстро и неожиданно. Коктейльное платье цвета пыльной розы, легкий макияж и

высокий хвост темных волос – не хватает только счастливо-го блеска в глазах. Кручусь перед зеркалом, пытаюсь отыскать недочеты, за которые могла бы зацепиться Леденцова, но ничего не нахожу. Без ложной скромности скажу: девушка в отражении идеальна!

Выдыхаю, собираю мысли в кулак и спускаюсь. Кир уже давно собрался и ждет в гостиной. В другой раз он бы сразу сказал что-нибудь язвительное в мой адрес, но рядом стоит отец, а потому братец изображает из себя джентльмена. Но обидно другое: отец ему верит.

Родик высаживает нас почти у самого порога особняка Леденцовых в коттеджном поселке и просит позвонить, как надумаем возвращаться. Кирилл учтиво берет меня под руку и ведёт к дому, где у самого входа именинница, расплываясь в фальшивой улыбке, едва успевает принимать поздравления и подарки.

Не зря говорят, что у богатых свои причуды. Уезжать из собственного дома, чтобы дочь могла почувствовать себя взрослой, такое себе одолжение. Но для Маши Леденцовой родители сделали все по высшему классу: огромный дом украшен разноцветной иллюминацией и живыми цветами, во двор вынесены столы, ломящиеся от всевозможных закусок и напитков, и даже установлена конструкция наподобие сцены. Не удивлюсь, если поздравить золотую дочку банкира придет какая-нибудь нашумевшая поп-звезда.

– Можешь не изображать семейную идиллию, все равно

всем безразлично, – шиплю в сторону Кира, который упорно делает вид, что рад идти со мной рядом.

– Сегодня ты ответишь за все, – приторно улыбаясь, цедит сквозь зубы в ответ.

Понимаю, что он провоцирует меня в очередной раз, пытается вывести на эмоции, но я не поддаюсь. Потерпеть один вечер я смогу, тем более встречаюсь взглядом с Леденцовой и догадываюсь, что ей мое присутствие тоже не в радость. Отлично! Видимо, не только я провинилась, но и у Машеньки свои счеты с предками. Она натянуто улыбается и приглашает нас с Киром присоединиться к остальным гостям. Брат тут же замечает компанию знакомых и, обласкав мой слух очередными грубыми словами, присоединяется к ним. Я же остаюсь в гордом одиночестве и безуспешных попытках отыскать в гурьбе незнакомцев Полину.

Вечер кажется бесконечным: басы безжалостно оглушают, толпы шумных подростков то и дело пытаются снести с ног, глупые конкурсы и никому не нужные аниматоры никак не оставят в покое. Мне до чертиков хочется домой, но позвонить Родике не могу: мой телефон, как назло, вновь забыт в автомобиле.

Держу в руках сок и неприкаянно слоняюсь среди остальных гостей. Разница в возрасте дает о себе знать: здесь нет никого из числа моих знакомых, не считая Полины и Кира. Но общение с последним не в моих интересах, а Поля... Солнцева настолько увлечена моим братцем, что совершен-

но не замечает меня. Злюсь, ревную, но стараюсь понять ее чувства. В конце концов, она влюблена.

– Привет! – Кажется, из ниоткуда возникает смазливый парнишка. Он широко улыбается и, вроде, по-доброму смотрит на меня.

– Привет! – отвечаю, хотя понятия не имею, кто это.

– Я Вадик! – словно читает мои мысли парень. – А ты?

– Арина, – натянуто улыбаюсь в ответ. Я не бука, просто именно в этой обстановке мне дико некомфортно.

– Почему грустишь, Арина? – подмигивает Вадик и протягивает стакан с соком, замечая, что мой совершенно опустел, а затем пожимает плечами: – Вроде, весело!

– Наверно. – Я делаю глоток напитка и смотрю на своего нового знакомого. – Просто я здесь никого не знаю.

– А как же я? – вновь улыбается Вадик, а я несмело окидываю его взглядом. Парень не такой высокий, как Кир, но более коренастый, с темной короткой стрижкой и ясными голубыми глазами. Он кажется мне весьма симпатичным и милым.

– С кем ты пришла? Я раньше тебя здесь не видел. – Вадик пытается перекричать шумную музыку, разрывающую басами барабанные перепонки. Закончился очередной конкурс, и ди-джей вновь зовет зажигать.

– О, я здесь случайная гостья! Просто наши с Машей отцы давно дружат.

– Понятно! Слушай, так шумно стало! Может, прогуля-

емя?

Оглядываюсь. Сбежать из этого дурдома – моя мечта, но понимаю, что давно стемнело, а Вадика я толком не знаю.

– Где здесь гулять? – пытаюсь отшутиться. – Одни сосны да высоченные заборы.

– Ты явно не местная! – смеется новый знакомый. – От Машиной хаты метров двести вверх есть обалденный утес. Там такой вид на вечерний город открывается – закачаешься! Представляешь, кругом сосны, аромат изумительный стоит, и миллион огней под ногами. Нет, Арин, если ты этого еще не видела, я просто обязан тебя туда сводить! Пойдем?

– Что, прямо так? Сейчас?

– Ты смешная! – Он щелкает меня по носу, забирает из рук сок и не глядя ставит его на столик, а затем хватает меня за руку.

Я невольно вздрагиваю: как-то все слишком быстро. Хочу возразить, но никак не найду слов. А он тащит меня за собой, словно куклу. Понимаю, надо взбрыкнуть, остановить парня, но боюсь, что новый знакомый поднимет меня на смех, а потому покорно семеню следом.

Несколько минут, и мы уже за высоким забором. Идем по асфальтированной дорожке, ярко освещённой фонарями. Музыка становится всё тише, а на душе – беспокойнее. Куда и зачем я иду?

– Арин, а лет тебе сколько? Просто странно, что раньше никогда тебя не видел. – Вадик идет рядом, не отпуская мо-

ей руки. Толик тоже часто берет мою ладонь в свою, но делает это скорее по привычке, а этот... Мы же едва знакомы, и оттого чувствую себя неловко и начинаю краснеть. А еще эти вопросы о возрасте. Конечно, он не мог меня видеть. Для всех собравшихся я мелкая и зеленая, а значит, не достойна их внимания.

– Через пару дней будет восемнадцать, – вру. Во вторник восемнадцать исполняется Полине, а не мне, но отчего-то хочется казаться старше.

– Вон, смотри! – Вадик резко останавливается и обхватывает меня за плечи. – Видишь дом вдальеке, который одиноко стоит на утесе?

– Вижу, – едва справляясь с волнением, отвечаю. Я просто маленькая и неопытная. Наверно, в возрасте Полинки это нормально, когда парень обнимает за плечи. Ничего же страшного, верно?

– Этот дом принадлежит одному бандюге. Жуткий мужик, я тебе скажу! Но не бойся, я рядом! – чуть крепче прижимая меня к себе, говорит Вадик. – Так вот, этот уголовник, чтобы, видимо, грехи свои замолить, построил смотровую площадку на самом краю утеса. Во-о-он, там! Мы с ребятами часто туда ходим, там круто!

Вадик отпускает мои плечи, вновь берет за руку и снова тащит вперед. Насчёт двухсот метров он явно погорячился: до дома какого-то бандита идти еще метров пятьсот. Чувствую, что совершаю ошибку: незнакомый парень, закрытая

территория, ни одной живой души поблизости и жуткий дом вдалеке. Резко останавливаюсь и опасно кручу головой. Вокруг только высоченные глухие заборы, за которыми темно и тихо. Глупая! Надо же было так вляпаться.

– Вадик, я передумала. – Стараюсь, чтобы голос звучал уверенно, хотя понимаю, что он предательски срывается. – Пойдем обратно, ладно?

– Ты испугалась, что ли? – Он заглядывает мне в глаза и снова улыбается. Только сейчас улыбка его уже не кажется мне такой добродушной и приятной. Нет! Она больше похожа на оскал хищника! – Я тебя не обижу!

– Я знаю, – снова вру. – Просто хочу вернуться!

– Эй! – Вадик обхватывает мое лицо шершавыми ладонями и силой заставляет смотреть на него. – Ты чего такая дёрганая, а?

Лицо парня становится все ближе к моему. Уже ощущаю слабый ментоловый запах его жвачки, явно задержавшейся во рту дольше положенного.

– Отпусти, – бормочу в ответ, но он и не думает убирать руки. Мне неприятно. Страшно. Понимаю, что должна что-то сделать, но не знаю, что. Еще немного и будет поздно. – Ты мне неприятен!

– Вот как? – ухмыляется Вадик, опалая горячим дыханием мои губы. – А Кирюха сказал, что ты и сама не против была со мной замутить. В чем дело-то?

– Вот Кирюху своего и трогай, а меня отпусти! – Чув-

ствую, что в глазах все начинает плыть от слез. Подонок!
Вот, значит, как он решил отомстить за дыню?!

Моим спасением становится свет фар со стороны утеса. Яркий и ослепляющий, он неумолимо приближается. Это мой шанс!

– Арин, отойди с дороги, видишь, машина едет, – недовольно бурчит Вадик и, выпуская из своих цепких рук, тянет к обочине. Это для меня автомобиль – шанс на спасение, а для него – лишь досадное препятствие.

И пока машина подъезжает все ближе и ближе, я делаю вид, что согласна переждать и следую за парнем, а в самый последний момент срываюсь к капоту черной иномарки, но явно не рассчитываю силы и падаю, здорово ударяясь головой об асфальт. Тупая боль разносится по телу, концентрируясь в затылке, перед глазами все плывет. Последнее, за что цепляется сознание – верхушки сосен, яркий свет фар и визг тормозов, а затем – теплый тембр незнакомого мужского голоса:

– Ты как?

А дальше – темнота.

Впрочем, она рассеивается мимолетно. Жаль, что боль не исчезает так же быстро. Да уж, я явно переборщила с побегом от Вадика!

Первое, что вижу – тёплый взгляд карих глаз. Молодой мужчина взволнованно смотрит на меня и вздыхает с облегчением, уловив мою глупую улыбку. Вот же чёрт! Лежу, рас-

пластавшись посреди дороги, и улыбаюсь незнакомцу! От осознания этой нелепой мысли пытаюсь как можно скорее принять вертикальное положение, но и здесь попадаю впро- сак. Мужчина напротив явно тормозит и не успевает усту- пить дорогу моему резкому выпад. Как результат – очеред- ной удар, теперь уже лбом, правда, о другой лоб, а не об ас- фальт, что, несмотря на саднящую боль, всё же в разы прият- нее. Незнакомец хватается за голову, и я понимаю, что сей- час услышу в свой адрес немало бранных слов, но он удив- ляет, начиная по-доброму смеяться. Я же не могу перестать его разглядывать: то, что я вижу, мне, безусловно, нравит- ся. Мужчина явно намного старше меня. Сколько ему? Два- дцать пять? Тридцать? Его тёмно-каштановые волосы, лежа- щие в лёгком беспорядке, обрамляют правильные черты ли- ца и придают образу живости и лучезарности. Ровный нос, слегка заострённые скулы, и главное – глаза, искрящиеся, живые, выразительные. А ещё ловлю себя на мысли, что мне нравится его смех. Какая глупость! Видимо, я сильно удари- лась головой.

– Ты как? – повторяет он вопрос, а я зачарованно смотрю на мелкие морщинки в уголках его добрых глаз.

– Нормально, – отвечаю одними губами, мечтая, чтобы он не убежал, а позволил разглядывать себя ещё какое-то время: ощущение, что он сошёл с обложки новомодного журнала, никак не покидает.

Мужчина без задней мысли протягивает руку, чтобы по-

мочь мне встать, а в моей голове стучит дурацкое опасение: если только прикоснусь, то он испарится! А потому встаю сама, игнорируя протянутую руку.

– И часто ты так на машины бросаешься? – Незнакомец делает шаг назад и с ухмылкой наблюдает, как я отряхиваю от грязи платье, к слову, безвозвратно испорченное.

– Нет, – отвечаю, стараясь не смотреть так явно на него, – вы стали первым.

– Надеюсь, и последним? – подмигивает он, и мои щёки начинают пылать от волнения.

– Извините, – оглядываюсь по сторонам в поисках Вадика, но тот сразу дал дёру. – Я не хотела, так получилось.

– Давай, ты мне пообещаешь здесь и сейчас, что больше так получаться не будет. – Лицо незнакомца вмиг становится серьёзным. – Болит?

Он встревоженно смотрит на меня, а я не понимаю, куда делась его улыбка. Мотаю головой вместо ответа, но незнакомец внезапно подходит ближе и протягивает руку к моей щеке. На мгновение забываю, как дышать. Смотрю на мужчину в упор, но когда его ладонь мягко касается моей кожи, скользя по ней вдоль скул и дальше к волосам, не могу не прикрыть глаза. Что я творю?! Что он себе позволяет?! Волнение бьёт через край, но отчего-то не хочется его останавливать.

– Нужен врач, – отрезвляет он меня своими словами, и я открываю глаза. Тепло ладони незнакомца перестаёт согреть.

вать, а мой взгляд невольно падает на его пальцы. Они в крови. В моей крови. Вот же, размечталась! – Ты в этом посёлке живёшь? В каком доме?

– Нет, я была в гостях, – испуганно отвечаю, совершенно не желая возвращаться в особняк к Леденцовой. В таком виде я непременно стану объектом её насмешек. – А живу у старого моста, в Лисицыно.

– В гостях одна была или с родителями?

– Одна, – вру прямо в глаза. – Я к Вадику приезжала, а он... Ну, вы сами видели... Убежал...

– Звони родителям! – приказным голосом заявляет незнакомец и, видимо, замечая, что с собой у меня нет никаких вещей, протягивает свой смартфон. – Сообщи, что случилось, и садись в машину – отвезу в травмпольницу.

– Н-не надо в больницу, пожалуйста! – Мне вмиг становится абсолютно не смешно. Как заведенная, мотаю головой, отказываясь от смартфона и тем более от поездки в больницу. Если отец узнает о моей выходке, то явно не обрадуется, да и звонить ему мне совершенно не хочется. – Со мной всё в порядке!

– А если сотрясение? Не глупи, пусть врач посмотрит, – замечая мою растерянность, мягко настаивает незнакомец и открывает заднюю дверь своего чёрного автомобиля.

Как же мне хочется отказаться! Но перспектива вернуться в дом, где меня не ждут, пугает сильнее, да и голова, положила руку на сердце, продолжает болеть. Понимаю, что муж-

чина прав, а потому пусть и неохотно, но забираюсь в прохладный салон автомобиля.

– Не дует сзади? – спрашивает незнакомец, достаёт из бардачка упаковку салфеток и протягивает мне. – Держи. Я люблю, когда в салоне свежо, но сразу скажи, если будет некомфортно. И родителям позвонить не забудь.

Автомобиль плавно трогается с места, а я судорожно пытаюсь сообразить, что делать дальше. От особняка Леденцовой до областной больницы, где располагается травматологическое отделение, минут десять езды по трассе, а значит, чтобы придумать отговорку для отца, времени и того меньше. Салфетками пытаюсь оттереть от грязи ладони и ссадину на локте, которая тут же начинает неприятно покалывать. От обиды, боли и понимания, что отец теперь точно отправит меня в интернат, хочется плакать.

– Я Арина, – зачем-то озвучиваю незнакомцу своё имя, хотя тот и не спрашивал. Это всё от волнения. Мне просто нужно сосредоточиться на чём-то.

– Валерий, – сухо отвечает теперь уже знакомый мужчина. – Амиров.

– А сокращённо? Лера? – хмыкаю, не в силах сдержать улыбки. Никогда бы не подумала, что такой симпатичный молодой человек может иметь такое редкое и не совсем мужское, что ли, имя. Мысли об этом отвлекают от переживаний, но ненадолго.

– Для тебя – Валерий Таирович. Вот, возьми. – Он пово-

рачивается ко мне, когда автомобиль тормозит у шлагбаума на выезде из посёлка, и суёт в руки визитку. – Если что, позвонишь!

«Дура!»– шепчу себе под нос, рассматривая чёрную карточку с серебристыми буквами:

«Амиров Валерий Таирович. Охранное агентство «Гепард»».

– Вы охранник, что ли? – Вопрос срывается с моих губ, прежде чем я успеваю подумать.

– Можно и так сказать, – не отвлекаясь от дороги, соглашается Амиров. – Что тебя так удивляет?

– Для охранника у вас машина слишком хорошая. – Что ни говори, а в тачках отец научил меня разбираться. Простой охранник, где бы он ни работал, навряд ли будет кататься на «немце» последней модели.

– Ты что, из налоговой? – смеётся Амиров, бросая на меня мимолётный взгляд через зеркало заднего вида, а потом осаждает мою наглость всего лишь парой слов: – Мала ещё чужие деньги считать!

Отворачиваюсь к окну и смотрю на вечерний пейзаж, проносящийся мимо на большой скорости. Желание разговаривать пропало!

Время в пути пролетает незаметно. И вот уже за окном виднеется отделение «травмы»: пора выходить. А я тереблю в руках визитку и никак не могу решиться.

– Валерий Таирович, я хочу вас попросить об одолже-

нии, – неуверенно говорю, закусив губу. В голове возник план, как можно избежать гнева отца, а точнее, как перекинуть его на Кирилла. Но в этом мне нужна помощь моего нового знакомого.

– Попробуй, – отвечает тот, заглушив мотор, и, улыбаясь, оборачивается ко мне.

– Вам идёт улыбка, – зачем-то вслух озвучиваю свои мысли и тут же начинаю краснеть.

– Ты хотела спросить об одолжении, – напоминает Амиров и перестаёт улыбаться. Ещё бы! Уверена, недостатка в женском внимании он не испытывает и, конечно, в комплиментах от малолетки не нуждается точно.– Прости, но у меня на сегодня дела, а время поджидает. Давай ближе к сути.

– Мой отец очень строгий человек,– вздыхаю, подбирая верные слова.– Если он узнает, что я сама прыгнула под колёса, то без разговоров отправит в интернат. А я не хочу туда.

– Предлагаешь мне взять вину на себя, мол, не заметил тебя?

– Нет, это ни к чему, – спешу успокоить собеседника. – Я скажу отцу, что меня толкнул тот парень, что был со мной. По сути, в том, что случилось, есть и его вина. Если бы он не распускал руки, я бы не выпрыгнула на дорогу в попытке сбежать от него.

Амиров окинул меня странным взглядом и, еле сдерживая смех, заявил:

– Если бы ты по ночам сидела дома и играла в куклы, ни-

кто бы не приставал к тебе.

– Какие куклы?! – закипаю от возмущения. – Мне пятнадцать!

– О, это всё меняет! Совсем большая! – откровенно хохочет Амиров, но вдруг резко замолкает и смотрит серьёзно и пронизательно. – Тогда зачем собираешься врать, как маленькая?

– Понятно! Толку от вас никакого. – Если Валера решил, что имеет право меня воспитывать, то сильно ошибается. – Сама разберусь!

Дёргаю дверцу автомобиля, желая поскорее выйти, но та заблокирована.

– Откройте! – прикрикиваю на Амирова, но тот сам вальяжно выходит из авто. Правда, через минуту уже открывает дверцу мне. Раздосадованная я вылетаю из салона и, не глядя на своего спасителя, несусь к зданию больницы.

– Эй, стой! – пытается задержать меня Амиров. – Да стой же ты! Родителям при мне звони! И приёмное отделение в другой стороне! Вот куда полетела?

– Что, по долгу службы частенько нос ломают? Наизусть дорогу к приёмному знаете? – недовольно бурчу в ответ, но направление меняю.

– Арина, давай, так сделаем, если ничего серьёзного врачи не найдут, то скажу твоему отцу, что не видел, что у вас произошло. Ври, сколько влезет. Но если будет сотрясение, тогда скажу правду. Договорились?

– Угу! – киваю, понимая, что такой расклад гораздо лучше, чем категоричный отказ.– Тогда я отцу позвоню, как врач посмотрит. Можно?

– Ладно, куда тебя девать? Пошли.

Обследование проходит достаточно быстро. Мне обрабатывают ссадины, светят фонариком в глаза, задают уйму вопросов, видимо, удостовераясь, что после удара моя крыша не съехала, и по настоянию Амирова даже делают рентген. Как и следовало ожидать, никаких серьёзных повреждений обнаружить не удалось.

Убедившись, что я здорова и сообщила отцу своё местонахождение, мой новый знакомый уезжает по своим делам, оставляя меня сидеть в приёмном покое в гордом одиночестве

– Арина! – доносится спустя какое-то время голос отца. – Дочка, что произошло? Как ты себя чувствуешь? Где Кирилл? Почему он не с тобой?

– Пап, да всё нормально! Ничего страшного! Подумаешь, пара ссадин.

Но отец словно оглох. Подбегает ближе и обхватывает меня за плечи, внимательно оглядывая с ног до головы. Изорванное платье, ссадины на ногах, перебинтованный локоть и пластырь на щеке заставляют его не на шутку перепугаться.

– Объясни, – просит он. – Что случилось?

– Не важно, – распаляю его интерес.

– Арина! – почти рычит отец.

– У Леденцовой было скучно, и мне хотелось домой. Понимаешь, пап, я же там никого не знаю. Это Кирилл там, как рыба в воде, – начинаю свой рассказ специально издали.

– Это всё здесь при чём? – недоумевает старик.

– Просто Кирилл был сильно увлечён своими друзьями, и когда я попросила его проводить меня до Родика, чтобы тот отвёз меня домой, брат разозлился. Стоило нам выйти за территорию, как Кир толкнул меня и ушёл обратно к своим знакомым. Но ты не сердись на него, пап! Он не специально! Он же не мог знать, что из-за угла выедет автомобиль.

Отец снова окидывает взволнованным взглядом мой жалкий внешний вид, а затем прижимает к себе крепко-крепко и ведёт к машине. Он молчит всю дорогу до дома. Придерживая меня за плечи, помогает подняться к себе и даже просит Снеженьку не лезть ко мне с расспросами. Он целует меня и впервые за долгое время гладит по голове. Желает спокойной ночи и аккуратно закрывает за собой дверь моей комнаты. Казалось бы, мелочи, но столько внимания отец не уделял мне за последние несколько лет ни разу.

Хватаю многострадального Шурика и, свернувшись клубочком, прокручиваю в памяти события сегодняшнего дня. Пожалуй, он удался на славу!

Вот только о том, что любая ложь обязательно тащит за собой другую, я совершенно забываю, как и о том, что Кир не сможет успокоиться, пока не отомстит.

Глава 3. Месть

Арина

Ласковые лучи утреннего солнца игриво скользят по моему лицу, заставляя проснуться. Потянувшись, раскидываю руки в стороны и ещё немного позволяю себе повалиться и понежиться.

Ночь пролетела на одном дыхании: ни тебе снов, ни воспоминаний. Но, может, это и к лучшему. Потянувшись, всё же встаю и бегу в душ. С самого утра запланирована тренировка, а потому времени валять дурака не так и много.

Вот, правда, сто́ит заметить своё отражение в зеркале, как позитивный настрой молниеносно сбивается. Небольшая ссадина на лице сегодня обзавелась желтоватым синяком приличных размеров, да и вообще весь мой внешний вид вопит о ночных приключениях: лохматая, побитая, со следами зелёнки на руках и ногах.

Да и принятие душа становится не таким приятным занятием, как обычно. Вода, соприкасаясь с только-только начавшими заживать ссадинами, вызывает массу болезненных ощущений.

Кое-как приведя себя в порядок, быстро скидываю в спортивную сумку всё необходимое и несусь на кухню, чтобы успеть перекусить перед выходом. Воскресенье – единственный выходной у отца, а потому стараюсь не шуметь,

чтобы тот мог как следует выспаться. Хотя...

Не успеваю спуститься на первый этаж, как из гостиной слышу папин голос – немного усталый, но как никогда строгий.

– Кирилл, я тебя предупреждал? Предупреждал! Ты меня послушал? Нет!

– Да я пальцем её не тронул! – оправдывается братец, а я замираю, ощущая, как колючая дрожь бежит по телу. Сейчас Кир либо выкрутится, и тогда мне несдобровать, либо отец останется на моей стороне, но тогда мне всё равно не поздоровится. Вцепившись в перила на лестничном проёме, вся превращаюсь в одно огромное ухо и продолжаю подслушивать.

– Кирилл, какой смысл отпираться? Я забрал вчера Арину из больницы. Допустим, только допустим, что она лжёт и что виновник – другой человек. Но ты разве не помнишь, о чём я тебя просил?

– Следить за ней, – виновато бормочет парень.

– Вот именно: присматривать! А ты вернулся под утро как будто так и надо! Арина натерпелась по твоей вине! Мать чуть с ума не сошла! Ты вообще отдаешь отчет в своих поступках?!

– Да, Пётр Константинович, – елеинным голоском соглашается Кир. Уверена, этот позёр сейчас и глазки опустил, изображая дикое раскаяние.

– Значит, так, Кирилл: за то, что заставил мать волновать-

ся, мотороллер твой продаю. – Отец безжалостно раздаёт наказания и не скупится взять с Кира побольше. Что ж, я этому безумно рада и, затаив дыхание, жду, когда старик назначит плату и за мою душу. Пётр Кшинский не заставляет долго ждать. – За дочь, как я уже неоднократно тебе говорил, порвать готов любого. Ты, мальчик, не исключение. Одиннадцатый класс тебе придётся заканчивать вдали от дома. Гуляй последние денёчки и пакуй вещи: Морозовский лицей закрытого типа в Подмосковье тебя ждёт.

– Но, Пётр Константинович... – пытается возразить парень; правда, он ещё не знает элементарного: если отец что-то решил, то спорить с ним бесполезно.

– Тема закрыта, Кирилл, – тут же подтверждает мои мысли папа. – Снежана в курсе и полностью поддерживает данное решение!

В душе всё ликует! Это победа! От радости готова запрыгать на месте, но не успеваю и глазом моргнуть, как в зоне видимости появляется разъярённый Кир и несётся в мою сторону. Нет, конечно, он бежит не ко мне, а скорее, в свою комнату или, может быть, к мамочке, но на его пути стою я, побитая и довольная.

– Сука! – цедит сквозь зубы подонок, остановившись в полуметре от меня. – Ты пожалеешь!

Челюсти стиснуты, крылья носа раздуваются, словно пробежал стометровку, а в глазах – ад. Злость, ненависть, ярость – чего только не выплёскивается наружу!

– Конечно, пожалеею, – сдерживая волнение, отвечаю ему в свойственной мне манере. – Мне тебя уже очень жалко! Прямо разрыдаюсь сейчас от одной только мысли, что ты уезжаешь!

Натягиваю на лицо улыбку и хочу обойти убудка, но тот, выставляя передо мной жилистую руку, зло выплёвывает:

– Ты себе даже не представляешь, сколько горьких слёз у тебя впереди! Поверь, будет больно!

– Иди к чёрту, Кир! А точнее, в свою закрытую школу для дебилов! – И, оттолкнув его руку, несусь вниз, ощущая, как спину просверливает взгляд парня.

Аппетит отбит, а потому, пробежав мимо отца в гостиной, спешу поскорее уехать на тренировку.

Танцы, как всегда, спасают! Заводные ритмы джайва поднимают настроение, а нежные – вальса помогают успокоиться. Толик как истинный джентльмен не задает вопросов и не пытается подколоть, хотя прекрасно видит мои синяки и ссадины. Только Марина Сергеевна бурчит, недовольная моей рассеянностью и медлительностью, и заставляет вновь и вновь делать одно и то же.

– Так, ребяташки, – устав со мной бороться, заявляет она. – Даю час перерыва, потом – квикстеп. Арина, постарайся прийти в себя, иначе в Венгрию отправлю Зосимову с Ивановым, поняла?

Киваю, а что мне ещё остаётся? Быстро переодеваюсь и бегу перекусить, в надежде застать Полю и поделиться с ней

последними новостями и переживаниями. Мне не терпится рассказать ей об аварии, Амирове и наказании для Кира. Хотя понимаю, что последнее может нас и посорить.

В любом случае, просидев за столиком у окошка почти час, Полину я так и не вижу. Телефон её тоже не отвечает. Не удивлюсь, если она, как и Кир, только под утро вернулась от Леденцовой и сейчас отсыпается.

С другой стороны, может, это и к лучшему. У Поли через два дня день рождения. Будет лучше, если об отъезде Кира она узнает после.

Остаток тренировки проходит примерно так же: Марина Сергеевна срывается, пытается до меня достучаться, Толик терпеливо возвращается к одним и тем же движениям, где я недорабатываю. Понимая, что толку от меня немного и лучше танцевать я сегодня уже не смогу, мы дружно принимаем решение разойтись по домам.

Возвращаться немного боязно, тем более воскресенье – это день, когда всей семьёй мы обязаны собираться за ужином, а значит, встречи с Кириллом и Снежаной не избежать. Но на удивление вечер проходит гладко. Мачеха, как и всегда, изображает из себя заботливую хозяйку, отец промывает уши о делах в компании, а Кир притворяется, что внимательно слушает. Никто не поднимает тему вчерашнего происшествия или наказания для парня, не язвит относительно моих синяков и не уличает в обмане. Я даже немного начинаю сомневаться, правильно ли расслышала утром слова от-

ца.

– Пап, во вторник у Поли днюха, можно будет к ней? – несмело спрашиваю, ковыряя ложкой малиновый щербет, потому что знаю, как не любит папа меня куда-либо отпустить.

– Иди, конечно, – слишком быстро соглашается тот; хотя нет – всё в порядке: – Но к девяти чтобы была дома.

– Спасибо, папуль! – Бросив десерт, подбегаю к родителю, чтобы чмокнуть его в щёку. – Ты лучший!

Отец, не веря, качает головой, а я, радостная, убегаю к себе и хватаю мобильник, чтобы осчастливить новостью подругу.

– Арин, ты чего так кричишь? – На сей раз Полинка отвечает почти тут же, но по голосу слышу, что она не в духе.

– Я не кричу, Поль, а делюсь радостью! – сбавляю обороты, но всё равно пишу от восторга: – Полинка, папа разрешил к тебе во вторник приехать, представляешь? Всё же ты была права: его внимание теперь всецело принадлежит Стервелле, а у меня карт-бланш!

– О, это, конечно, здорово, – как-то совершенно холодно отвечает девчонка. Ещё вчера от подобной новости Полинка скакала бы до потолка, а сейчас...

– Поль, у тебя всё нормально? – В душе зарождается нехорошее предчувствие.

– Всё отлично, – заявляет Поля и даже хихикает в трубку, но меня не обманешь: что-то происходит. И это что-то не

заставляет себя ждать.— Только, Рин, понимаешь какое дело: я уже обещала Кириллу провести этот вечер с ним!

— Кому обещала? Кириллу? — Телефон чуть не падает у меня из рук.

— Ну да, Рин, не сердись, пожалуйста, — жалобно просит подруга.— Разве я могла ему отказать?

— Когда?

— Что «когда»?

— Когда ты успела ему пообещать? И как вообще такое могло произойти?! Это же Кир!— Моему возмущению нет предела. Мало того что вчера Поля совершенно позабыла обо мне у Леденцовой, так и сейчас между мной и этим придурком выбирает не меня.

— Ариш, понимаешь, оказывается, я давно уже ему нрави-лась, он просто не решался мне рассказать. А вчера смог... Рин, я так счастлива! Ну, прости меня, пожалуйста!

— И ты поверила в этот бред?!

— Почему бред? Что ты думаешь, я такая страшная, что не могу парню понравиться?

— Нет, Поль, нет! Но это же Кирилл! Ему люди в принципе не нравятся! Тем более, сейчас...

— Ты об отъезде? Я всё знаю и, честно, сильно в тебе разо-чарована! Зачем ты наплела отцу всякую ерунду?! Как Кир мог избить тебя, если он весь вечер провёл со мной?! Как?! Рин, поговори с отцом, пожалуйста! Скажи, что погорячи-лась. Рин, прошу, ради меня!

– Погорячилась?! – вспыхиваю, как спичка.– Ты меня видела?! Я вся в синяках! Да, Кир не толкал меня под машину, но парень, который это сделал, действовал по просьбе твоего драгоценного! Так что думай головой, с кем связываешься!

– Начинаю жалеть, что связалась с тобой! Мелкая эгоистка, вот ты кто!

– Поля, очнись! Он же негодяй! Кир только сегодня утром угрожал мне. Поверь, он с тобой такой ласковый и нежный только для того, чтобы насолить мне. Подумай же ты головой! Кир не из тех, кто робко стесняется подойти к девушке. Боже, Поля, очнись!

– Как же прав был Кир, и как слепа была я!– шипит подруга в трубку.– Ты самая обыкновенная озлобленная и завистливая дрянь! Ты даже порадоваться за меня не можешь! Не звони мне больше! С этого момента мы больше не подруги. Уяснила?

– Полин, не глупи. Послушай...

Но договорить не успеваю: короткие гудки опалют слух. Чувствую, как непрошеные слёзы струятся по щекам, а в груди щемит от несправедливости и обиды. Ещё ни разу мы не ссорились с Полиной. Ни разу не говорили друг другу таких слов. Ни разу наша дружба не висела на волоске из-за какого-то парня! Ни разу! Чёртов Кирилл сумел разрушить единственное, в чём я была уверена – мои отношения с Полиной. Ненавижу!

Вновь и вновь я набираю номер Полины, не оставляя на-

дежды достучаться до неё. Так нельзя! Это неправильно! Но сколько бы я ни набирала заветный номер, в ответ только гудки. Поля явно добавила меня в чёрный список. И всё из-за кучерявого озлобленного подростка, который не сегодня-завтра заставит подругу страдать.

Моя злость не знает границ. Я схожу с ума от желания вцепиться в белокурые локоны ублюдка и вырвать их к чертям, чтобы, глядя на его лысую башку, Поля, наконец, очнулась. Бегу сломя голову в комнату Кира, но его и след простыл. Ещё бы, последняя неделя лета и свободы – Кир отрывается по полной!

Шаркающей походкой иду по коридору, до боли выкручивая себе кисти рук. Мне дико не по себе! Хочу успокоиться, но саму всю трясёт.

В слезах, впервые позабыв о Шурике, я засыпаю беспокойным сном, понимая, что месть Кира удалась. Поля – единственный мой близкий человек. Без неё я не смогу.

Понедельник проходит как в тумане. Мои звонки остаются без ответа. Мои мольбы в соцсетях и мессенджерах даже не читаются. Отец весь в делах, Снежана – в бутиках и салонах красоты. Кир гуляет, совершенно не появляясь дома, и от мысли, что гуляет он с моей Полей, я медленно схожу с ума.

Вторник. Её день рождения. С курьером отправляю подарок и записку с коротким «Прости». Ради нашей многолетней дружбы я готова на многое, в том числе и принять

ее отношения с Киrom. Снова обрываю телефон – снова безуспешно. Полина с легкостью отворачивается от меня, выбирая призрачную любовь моего сводного брата.

Весь день проходит в слезах. Тренировки пропущены. Мне не с кем поговорить. Меня некому утешить. Мне просто плохо. Одиноко. Грустно.

Около одиннадцати ложусь в кровать, не выпуская из рук телефона. Я жду – глупо, наивно, безнадежно. Закрываю глаза, пытаюсь заснуть. И в этот момент мобильный в моих руках оживает. Поля! Я так долго этого ждала, что без задней мысли подношу трубку к уху и кричу навзрыд:

– Поля, Полинка, прости меня глупую! Я тебя так люблю!

Но вместо ответа слышу лишь всхлипывания подруги: ей тоже плохо. Очень!

– Я такая дура, – сквозь слёзы шепчет она. – Прости.

Вскакиваю с кровати и мечусь по комнате. Хочу так много сказать ей, но не успеваю. Кирилл бесцеремонно открывает с ноги дверь в мою комнату и нагло так смотрит, словно имеет надо мной власть.

– Забыл что-то? – огрызаюсь в сторону парня.

– Ага, – мерзко улыбаясь, тот шурится и заходит. Кира ни капли не смущает, что я не хочу его видеть. Он по-своему заваливается на диван и закидывает ноги на журнальный столик, с которого тут же на пол летят стихи Блока и Шурик. Но Кириллу всё равно! С ехидным оскалом победителя он пронзает меня злобным взглядом и жестом показывает, что-

бы я завершила разговор.

– Полюшка, я перезвоню!– шепчу в трубку, но слышу, что рыдания подруги становятся всё громче и надрывнее. – Я люблю тебя, милая! Не плачь.

Скидываю вызов, проклиная в душе парня, сидящего напротив.

– Какого лешего ты творишь, Кир?! Пошёл вон из моей комнаты!

Но мои выпады на него не действуют. Он словно оглох. Продолжает сидеть и пристально разглядывать меня.

– Любишь её, говоришь? – Он крутит в руках свой мобильный, а на лице расплзается безумная улыбка.

– Погоди, она там, что, из-за тебя плачет?

– Плакать поздно! – хохочет придурок.– Дура твоя подруга и дешёвка! Прикинь, я с пацанами поспорил, что заташу в койку какую-нибудь скромницу-спортсменку. Они мне срок дали до сентября, а твоя каланча на третий день ножки раздвинула.

Так много слов, и все кажутся нестерпимо мерзкими! От них тошнит. Ловлю себя на том, что качаю головой, как китайский болванчик, отказываясь верить в реальность происходящего.

– Подонок, – шепчу, глядя в пустые бездушные глаза сводного брата. – Так ты решил отомстить мне?

– Нет, сестрёнка, – совершенно не осознавая мерзости своего поступка, продолжает веселиться Кирилл.– Спор есть

спор, сама понимаешь. А вот это моя месть.

Он протягивает мне свой мобильный, где на паузе стоит какое-то видео. Понимаю, что ничего хорошего я там не увижу, а потому обхватываю себя руками и отхожу на несколько шагов назад. Я ничего не хочу смотреть.

– Ну же, Ариша, неужели тебе не интересно взглянуть, как твоя ненаглядная каланча отдаёт мне свою невинность на родительском диване? Шикарный подарок я ей устроил к совершеннолетию!

– Зачем?! Зачем мне на это смотреть?! Она ошиблась, такое бывает! – Как же противно мне сейчас даже просто дышать одним воздухом с этим недочеловеком! Меня разрывает от желания расцарапать до крови его довольную физиономию, но я будто приросла к полу.

– Смотри, я сказал! – резко перестав ржать, рычит Кир и жмёт на кнопку воспроизведения записи. Сию секунду пространство комнаты заполняется неприличными звуками – мерзкими, тошнотворными, взрывающимися то ли от боли, то ли от удовольствия голосами, среди которых Польшкин. Её полное нежности «люблю» тонет в скрипах, шорохах и стонах. Закрываю ладонями уши и зажмуриваюсь: это не для меня! Но потом срываюсь. Бегу к нему, машу руками, пытаюсь выбить из его рук телефон, хочу, чтобы всё это прекратилось!

– Ненавижу! – ору со всей дури. – Ненавижу!

– Да мне плевать! – скручивая меня, словно пушинку,

кричит в ухо.— Первого сентября это видео получит каждый ученик нашего лицея! Об одном жалею, что не увижу восторженных лиц одноклассников, когда те смотреть видос будут. А ты радоваться должна, дура! Тебе как сестре первой показал.

— Нет! Нет! Не делай этого! Прошу тебя! Ты же и так её уничтожил! Она же тебя по-настоящему любила. Что же ты за сволочь такая!

— Ну, всё! Хватит! Болото своё побереги для отца. Хочешь, чтобы запись удалил — отработай! — И снова этот мерзкий смех. — Что смотришь? Твой батя мой мотак продал, а я, между прочим, на него несколько лет копил. Да и за год заточения мне полагается моральная компенсация. Так что всё честно: с тебя — бабки, с меня, так и быть, запись. Идёт?

— Я найду деньги!

— Э, нет! Ты их отработаешь вместе со своей каланчой. Усекла?

— Да...

Глава 4. Аукцион.

Арина.

Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать... – шепчу себе под нос, пересчитывая этажи здания, к которому нас просил подъехать Кир.

С момента его вторжения в мою спальню прошла неделя. Семь дней, чтобы всё обдумать и отказаться, пожаловаться отцу и не вестись на шантаж подонка. Семь ночей, чтобы в мучительных попытках заснуть, без конца вспоминая заплаканное лицо Поли, сходить с ума от безысходности и жалости к ней.

– Арин, ну чего ты так смотришь? – Подруга дёргает меня за рукав джинсовки. – Обычный бизнес-центр.

– Знаю. – Понимаю, что она права: мы в людном месте, и в работе, которую нашёл нам Кир, нет ничего особенного. Но мне неспокойно. Я чувствую, что это западня.– Поля, зря ты отказалась поговорить с моим отцом. Может, ну его! Поехали домой. Вот увидишь, папа быстро приструнит Кира.

– Арин, ты опять за старое? – Поля недовольно вздыхает и тянет меня к входу. – Как ты думаешь, твой отец донесёт моему?

– Мы попросим, чтобы не говорил...

– Арин, не тупи! Сообщит обязательно! – перебивает По-
линка.– Пошли, а то опоздаем!

И я иду, шаг за шагом по серой глянцевой плитке приближаюсь к зеркальным дверям бизнес-центра «Берлинго». Бросить Полинку не могу: я и так еле привела её в чувство после подлости моего сводного брата. Дело за малым: забрать видео. Допустить, чтобы оно попало в чужие руки, тем более, стало достоянием нашего лица, директором которого и является папа Поли, нельзя. Мы обе понимаем, что после такого позора его карьера, как и престиж нашего учебного заведения, резко пойдут на спад.

Поначалу, наплевав на угрозы Кира, я хотела поговорить со своим отцом. Во всём признаться, честно, откровенно. Но, видимо, не судьба... За эти семь дней я видела его всего пару раз, и то мельком. Да и что бы он сделал? Кир чётко дал понять, что если я кому-нибудь разболтаю, то видео выйдет в свет, не дожидаясь начала учёбы.

Зеркальный лифт поднимает нас всё выше и выше, пока не раскрывает двери на одиннадцатом.

Красивая цивильная обстановка холла отеля с одноименным названием «Берлинго», расположенного на последних этажах здания, встречает нас тишиной и сонным выражением лица охранника. Бугай ростом, наверно, под два с половиной метра, лениво подходит к нам и прокуренным голосом требует снять все украшения и сдать телефоны. Поля покорно выполняет его указания, а я недоумеваю.

– Зачем? – Я понимаю, что наши украшения могут помешать рекламировать товар ювелирного салона «Самсонов»,

но чем не угодили телефоны?

– Положено, – зеваает охранник и выжидающе смотрит на меня.

– Арин, не ерпенься, заберёшь потом. – Подруга толкает в бок, поторапливая с решением. А я не могу, не хочу его отдавать, но опять иду на поводу у других, не прислушиваясь к истошному крику интуиции, и покорно выкладываю смартфон, а затем снимаю серьги и цепочку с крестиком, получая взамен маленький ключик с номером ячейки для хранения.

– Фамилии, – монотонно сипит охранник, перелистывая какие-то списки на помятых бумажках.

– Солнцева и Кшинская, – пищит Поля, явно волнуясь не меньше меня.

– Так, Солнцева есть, а вторая какая? – Бугай водит неровным грязным ногтем по белоснежной бумажке, уточняя мою фамилию.

– Кши...

– Ладыгина, – перебиваю Полю. Она не в курсе, что Кир устроил меня моделью на аукцион ювелирных изделий под своей фамилией; всё потому, что мне в отличие от Поли нет восемнадцати, а здесь это одно из основных требований.

– Так, сейчас идёте прямо, до двери с надписью «Служебное помещение», – ничего не заподозрив, бурчит охранник, даже не глядя в нашу сторону. – Там Анжелика проведёт с вами инструктаж.

Беру Полю за руку, как маленькая, и иду за ней в указан-

ном направлении. Чувствую, как по телу предательски расползается нервный озноб, как увлажняются ладони, а сердце отбивает дикий ритм, но руку подруги не отпускаю.

В небольшой подсобке нас встречает необъятных размеров женщина с недоверчивым взглядом. Осматривает нас, будто товар на рынке, только что руками не трогает, а потом недовольно заявляет:

– Девочки, вы точно к нам?

Нам бы покачать головами и бежать пока не поздно, но нет...

– Я Солнцева, – кичится Поля. – Что, недостаточно хороша для ваших бирюлек?

Женщина неприятно так хмыкает и начинает что-то выискивать в телефоне.

– К тебе, Солнцева, вопросов нет, проходи. Катя! – кричит куда-то в сторону толстуха. – Этой – зелёное платье под изумрудное кольцо, ну и макияж поярче.

Тут же в подсобке появляется ещё одна сотрудница лет двадцати, но шибко потрёпанного вида. Наверно, спроси меня, как выглядит девушка лёгкого поведения, я бы в точности описала внешность этой Кати, даже не видя её.

– За мной иди, – бурчит та и, виляя пятой точкой, уводит Полю, которая, не замечая ничего подозрительного, тут же бежит следом, бросив на меня извиняющийся взгляд.

– Не выглядишь на восемнадцать! – фыркает Анжелика, возвращая своё внимание ко мне.

Знаю... Я маленькая и тощая. Со стороны можно подумывать, что мне нет и пятнадцати. Но, тут же вспомнив, как могу преобразиться, стоит мне позволить себе яркий макияж и откровенное платье, в котором лучше многих страстно исполняю румбу и ча-ча-ча, сразу выпрямляю плечи и горделиво задираю нос.

– И всё же я совершеннолетняя, – без тени сомнения отвечаю женщине. – Арина Ладыгина.

– Дура или припёрло? – начиная, видимо, и меня искать в своём телефоне, с издевкой спрашивает Анжелика.

– Мне деньги нужны, почему сразу «дура»? – Меня задевают её слова, но я всё ещё держу вздёрнутым нос.

– Деньги любой ценой, – бормочет недовольно толстуха, а потом поднимает на меня сочувствующий взгляд, словно я не моделью пришла работать, а собираюсь душу дьяволу продать. – Лот номер 14: нить чёрного жемчуга. Пошли, провожу в гримёрную.

– Так, девочки, сначала все дружно выходим в холл! Для новеньких повторяю. – Анжелика стреляет взглядом в мою сторону. – От того, как вы покажете себя на публике, зависит, насколько успешно с аукциона потом уйдёт ваш лот. Надеюсь, это понятно?

Маленькое помещение, напоминающее очередную подсобку, правда, с огромным зеркалом в половину стены, забито под завязку: только моделей я насчитала четырнадцать человек, да плюс необъятная Анжелика, сама по себе зани-

мающая треть комнаты. Все девушки разные, и далеко не все с журнальными параметрами: высокие и не очень, худые и с формами, блондинки и брюнетки, юные и постарше – прямо какой-то винегрет из разношерстных моделей! Никакой гармонии, никакого баланса. А если представить, какова стоимость украшений, то невольно задаёшься вопросом: неужели нельзя было и девушек подобрать соответствующих?

– Ладыгина, я понимаю – дебют! – надрывается Анжелика. – Но ты хоть сделай вид, что слушаешь меня!

– Простите, – шепчу я и тут же заливаюсь краской: четырнадцать пар глаз в упор смотрят на меня.

– Ладыгина, твой лот – последний! Самый дорогóй на сегодня! Имей в виду: на сцену выходишь после всех, поняла?

– Поняла, – киваю в ответ. Я не тупая! Хотя Анжелика явно уверена в обратном: который раз смотрит на меня невыносимо пристально, словно подозревает в чём-то.

– Так, – наконец, отпускает меня из плена своих глаз организатор и обращается ко всем: – Лоты с первого по восьмой идут с Катей на причёску и макияж, остальные ждут здесь. И повторяю: сидим спокойно.

Полинка – «лот номер два», а потому нас вновь разлучают. Стоит рыжей копне её волос исчезнуть из виду, как я начинаю нервничать с новой силой.

– Жемчуг? – приторно улыбаясь, спрашивает соседка – грудастая блондинка, чем-то похожая на отцовскую Снеженьку.

– Не лезь к девчонке! – осаждает её другая, на сей раз брюнетка лет двадцати пяти.– Ей и без тебя тошно!

Натянуто улыбаюсь и хочу спрятать взгляд, но куда там: повсюду натыкаюсь на любопытные взоры других моделей. Тоже, нашли себе экспонат! Видимо, завидуют, что моё украшение сегодня будет самым дорогим и желанным.

Смотрю себе под ноги, а руки от волнения засовываю в задние карманы джинсов, где без труда нащупываю бархатистую картонку с давно потрёпанными краями. Визитку Амирова я постоянно таскаю с собой, так и не рассказав Польке о нашем с ним знакомстве. Да и с каждым пролетевшим мимо днём понимаю всё чётче, что уже не расскажу: решаю, что Валера останется только моим воспоминанием.

– Спрячь, – шепчет брюнетка, заступившаяся за меня пару минут назад.

Непонимающе смотрю на неё, не отдавая себе отчёта в том, что всё это время разглядывала чёрную карточку.

– Во время аукциона запрещены звонки, – поясняет девушка. – Анжелика увидит – заберёт. Все номера только здесь!

Брюнетка стучит длиннющим ногтем кислотно-малинового цвета по лбу. Одного она не знает: заветные цифры номера Амирова давно в моей голове, да только позвонить ему я не осмелюсь никогда.

События вечера проносятся мимо с молниеносной скоростью. Вот, казалось бы, Катя только-только подобрала для

меня платье и отвела на макияж, как я уже стою посреди огромного холла гостиницы и пытаюсь сдержать дрожь, растягивая ярко накрашенные губы в искусственной улыбке .

Постепенно начинают собираться гости аукциона. Солидные дядечки и их разодетые спутницы чинно расхаживают мимо нас, жадно пожирая глазами. И если женщины смотрят исключительно на украшения, порой обращая внимание на платья, то их мужчины, напротив, пошло улыбаясь, смотрят далеко не на ювелирные изделия. Под их взглядами ощущаю себя голой, хотя на самом деле одета более чем скромно. Этакое платье юной Лолиты цвета топлёного молока с длинными шифоновыми рукавами и пышной юбкой доходит почти до колен, нигде и ничего не обтягивая и не подчёркивая. Оттого внимание мужчин кажется всё более странным и нездоровым. Успокаиваю себя, что смотрят они так на всех моделей, а значит, ничего особенного.

Стоит официальной части мероприятия завершиться, как для гостей открывают огромный банкетный зал, приглашая их пройти за свои столики и приготовиться к торгам. Нас же Катя отводит всё в ту же гримёрку, где каждая из нас начинает ожидать своего выхода на сцену.

Полину забирают почти сразу. Успеваю улыбнуться ей, поражаясь, какой эффектный образ подобрали для неё организаторы. Тёмно-зелёное бархатное платье в пол идеально подчёркивает нежные и тонкие изгибы её тела, рыжие волосы волнами забраны наверх, открывая изящную шею, укра-

шенную витиеватым колье с изумрудными камнями. Поля сегодня настолько красивая, что я даже перестаю злиться на Кира за то, что вынудил нас прийти сюда.

– Так, номер шесть и семь на выход, остальные сидим тихо и ждём. – Голос Анжелики оглушает подобно раскату грома. Удивляюсь, как такая тучная и объёмная женщина умудряется так тихо и беззвучно приближаться.

– Девчонки, пожелайте мне удачи, – суетится та, на чьём запястье табличка с номером «6». – Надеюсь, Ермолаев не покусится сегодня.

– Жанна, Ермолаев уже купил себе игрушку, шевелись! – поторапливает Анжелика, и девчонка немного сникает, покидая гримёрку.

– А что, Ермолаев этот два лота купить не сможет? Почему она так расстроилась? – спрашиваю всё ту же брюнетку, с которой общалась раньше.

– А зачем ему два? – искренне недоумевает та. – А вообще странно, конечно! Обычно, когда заявлен жемчуг, Ермолаев берёт его. Даже интересно, кто покорило сердце старика настолько, что он отказался от своих пристрастий.

Слушаю её, но ничего не понимаю.

– А нам есть какая-то разница, кто заплатит деньги? – задаю, вроде, вполне логичный вопрос, но замечаю, как все оставшиеся модели тут же вскидывают на меня взгляд, словно на умалишённую.

– Ты же, вроде, первый раз? – скалясь белоснежной улыб-

кой, спрашивает девушка с номером «9». – Неужели такая отмороженная, что совсем тебе не важно, кто это будет?

– Нет, – отвечаю честно. – Я лишь хочу поскорее уйти отсюда, мне надо домой до одиннадцати успеть.

Не знаю, что я сказала такого необычного, только помещение тут же заполняется диким смехом.

– Она, походу, реально брюлики пришла продавать, – доносится неприятный, прокуренный голос с противоположного края, и снова этот смех со всех сторон.

– А вы что пришли рекламировать? – Мне кажется, я уже и так знаю ответ, но поверить собственным догадкам не могу. Внутри разливается дикий страх вперемешку с лютой ненавистью к Киру, а от мысли, что Полю забрали уже больше часа назад, меня начинает мутить.

– Почему никто из девушек до сих пор не вернулся? – Голос дрожит, срывается, но глупое сердце верит до последнего, что я ошибаюсь. – Все их вещи здесь! Они же давно должны были возвратиться за ними. Разве нет?

Ответом служит дикий хохот, заполонивший комнату, – злорадный, довольный, будто рады они, что осознание приносит мне иступлённую боль.

Срываюсь с места и бегу к выходу. Но дверь, само собой, закрыта.

– У тебя на шее тысяч двести, ты думаешь, так просто тебе с ними позволять гулять по отелю? – Опять чей-то голос слышится за спиной. А потом ещё. И ещё. И снова смех, ко-

торый бьёт больнее любой пощёчины.

– Вот идиотка! Неужели не знала, куда шла?!

– С этими жемчужинками всегда так: в последний момент начинают считать, что продешевили.

– Да она, небось, к Ермолаеву хотела, а как узнала, что тот другую купил, так и на попятную собралась.

– Глупая, обратного пути нет!

Но я уже не слышу. Мне без разницы, что они говорят. Я не понимаю ни слова! Только неистово бью кулаками в закрытую дверь!

– Выпустите меня!— ору сквозь слёзы. – Откройте эту чёртову дверь!

Но помощи ждать не приходится. Я в ловушке, на пороге собственного падения в бездну, из которой не выбраться. А за спиной продолжают смеяться злые, бесчувственные куклы. Они уже на дне и ехидно ждут, когда я упаду к ним.

Моя истерика не остаётся незамеченной. Уже через несколько минут отчаянных криков на пороге появляется Анжелика. Огромной непроницаемой стеной она отделяет меня от свободы.

– Очнулась, принцесса? – зло шипит она, глядя на меня. Она не поможет. Сейчас вижу это слишком отчётливо.

– Освободите меня! Вышло недоразумение! – Понимаю, что кричу в пустоту, но разве могу опустить руки?

– Поздно, девочка, в следующий раз головой будешь думать! – Она оттесняет меня от выхода.

Дура! Сама виновата! Наивная и глупая! Но отступить не собираюсь. Трясущимися пальцами пытаюсь расстегнуть украшение, сжимающее шею, но ничего не выходит. От собственной беспомощности хочется выть...

– Мне пятнадцать! Пятнадцать! Это противозаконно! Мой отец сотрёт вас всех в порошок! – Ничего не вижу перед собой сквозь сплошную пелену слёз и отчаяния.

Ощущаю, что сзади меня обхватывают чьи-то руки – крепко, но не больно. И слышу знакомый голос у самого уха:

– Утихни и соберись. Иначе вколют успокоительное, поверь, это намного хуже. Я знаю.

Брюнетка. Та самая, что заступилась за меня раньше. Её голос не злой, не шипящий, не злорадный, как у остальных. Её я слушаю. Её слышу. Моё тело обмякает в её руках, и я замолкаю.

– Утомонилась? – бросает Анжелика и цепко хватает меня за подбородок. – Вот же истеричка! Теперь макияж переделывать. Пошли! – Она дёргает меня за плечо, заставляя идти вперёд. Не отпускает, сжимает до синяков, до боли.

Двери. Коридор. Лестница. Снова коридор. Анжелика тяжело дышит рядом и молчит. Впереди и позади – два амбала. Они не отпустят. Не дадут сбежать.

– Катюш, надо немного подправить, – усталым и совершенно обыденным голосом говорит Анжелика, затаскивая меня в очередную подсобку. Опять эта Катя! Как я сразу не догадалась по её внешнему виду, что никаких моделей им и

не нужно было.

– Оставляй, – машет руками девица, даже не глядя в мою сторону.

Для них я товар. Лот номер четырнадцать.

Дверь с хлопком закрывается, а мне уже всё равно. Чувствую, что обречена, и сколько ни моли, никто не услышит. Катя тычет наманикюренным пальчиком в сторону стула, и я покорно сажусь.

– Не смотри волком на дверь – бесполезно. Там Петя, тот, что покрупнее, да и вообще... –Голос Кати не кажется ехидным. Нет, в нём скорее слышится безнадежность. – Все мы через это прошли. Думаешь, в первый раз много кто сюда по доброй воле приходит? Кто за долги, кто в наказание, кто – как ты, по глупости.

– Мне всего пятнадцать, – зачем-то вновь бормочу я, пока Катя копается в своей огромной косметичке, видимо, выискивая что-то для меня.

– Знаю. – Так ничего и не достав, девица приземляется мягким местом на стол прямо возле моего носа. – Твоя подруга за тебя просила, когда поняла, куда вы, дуры, попали.

Поля... От мысли, что она осознала, куда нас привёл Кир, уже давно и не только на словах, начинает трясти. За что нам это?

– Я и сама здесь очутилась в семнадцать. Брат проиграл в покер одному старику. Так же, как и ты, в жемчуге тут слёзы лила, но бесполезно. А этот урод ещё и на видео всё записал,

чтобы потом шантажировать... Так что не думай, что мне в кайф здесь находиться.

– Что они сделали с Полей? Что будет со мной?

– Не знаю, – пожимает плечами Катя. – Но пока ты не успокоишься, поправлять макияж бесполезно. Сейчас принесу воды. Сиди здесь тихо. Не забывай, что Петя рядом!

Катя спрыгивает со стола и мигом выбегает из подсобки, оставляя меня одну. Слышу: что-то бормочет охраннику, а затем тишина.

Оглядываюсь, пытаюсь зацепиться взором хоть за что-нибудь, что поможет мне сбежать. Но здесь нет ничего, кроме стула, на котором сижу, и стола с двумя бутылками воды на нём. Словно за соломинку мозг ухватывается за эти чёртовы бутылки. Вскрываю и нахожу за ними телефон – Катин мобильный, который она оставила для меня.

Пальцы трясутся, едва попадая по нужным цифрам. Гудки. Долгие и тягучие. Понимаю, что он спасёт. Не отвернётся! Не бросит! Лишь бы ответил... Но отец не спешит подходить к телефону. Набираю снова и снова, пока не слышу голос Снежаны:

– Добрый вечер. Пётр Константинович сейчас занят, не могли бы вы...

– Снежана, – стараюсь не шуметь, дабы Петенька за стеной ничего не услышал, срывающимся голосом перебиваю мачеху. – Пожалуйста, позови отца. Я в беде. В большой беде! Мне нужна помощь, прошу тебя...

– Там, где начинаются твои беды, страдает, как правило, мой сын.

– Твой сын – гадёныш! – не сдерживаюсь, представляя, что сейчас происходит с Полинкой. – Его не закрытая школа, а колония ждёт! Можешь мне поверить!

– О, даже так? – елейным голоском пищит Стервелла. – Тогда тем более решай свои проблемы сама!

Нужно ли говорить, что следом раздалась короткая гудка, а телефон отца впредь был мне недоступен.

Доведённая до отчаяния, напуганная и преданная самыми близкими людьми, я по памяти набираю заученный наизусть номер Амирова, чтобы молить о помощи совершенно чужого мне человека...

Глава 5. Не супермен.

Лерой.

Встреча с Горским летит к чертям. Прыгаю за руль своего авто, наплевав на то, что одет не по дресс-коду. Ну и ладно, сейчас это волнует меньше всего.

Педаль газа в пол – скорость на пределе. До города минут двадцать, но, кажется, они тянутся целую вечность. А на счету каждая секунда...

Стоит только представить, что девчонка там совершенно одна, что любой может обидеть, как крыша начинает ехать с новой силой. Сжимаю крепче руль, представляя, как буду ломать грязные руки придурков, посмевающих её обидеть.

Куда только смотрел этот её «папочка», отпускающая девушку – совсем ещё юную и невинную – в подобного рода заведение?! Ладно, она... Наивная, глупая, желающая доказать всем и каждому, что стала большой и самостоятельной. Но он-то о чём думал, идиот!

Если бы не этот звонок, я и сам ничего не узнал. Сидел бы с Колей и в ус не дул. Бог с ним! Главное, что теперь я в курсе! Сейчас дело за малым: войти внутрь, найти её там и проследить, чтобы вернулась домой целой и невредимой.

Возле нужного здания торможу шумно и резко. Народ оборачивается, но, заметив мою тачку, особо не возмущается. Напротив, в глазах мужиков читаю уважение и спортив-

ный интерес, ну а про женщин, думаю, можно и опустить: что с машиной, что без неё их голодные взгляды – мои верные спутники.

Вылетаю из салона и несусь к зеркальному входу, даже не допуская мысли, что меня не пропустят. В подобных заведениях моё лицо знает каждый охранник. Ещё бы, сегодня мечта любого из них – работать на меня! Без ложной скромности, «Гепард» – лучшее охранное агентство города. Да и десять лет службы на Горского делают мою физиономию не только узнаваемой, но ещё и вселяющей ужас. Желание связываться с Колей, как ни странно, редко у кого возникает.

Пользуюсь своим положением и залетаю внутрь, лишь едва кивнув пацанам на входе. Ребята понятливые, и это радует.

Вокруг полумрак, музыка, пьяные гости. Вот, спрашивается, какого чёрта девчонке не сиделось дома?! Проталкиваюсь сквозь толпу, непрерывно выискивая её глазами, и каменею на месте, стоит только её заметить.

Красивая... Нет, это слово слишком обычное для неё. Она подобна ангелу: хрупкая, невесомая, волшебная. Среди всего этого мракобесия кажется, что она светится изнутри. Совершенно другая, не похожая ни на кого. Глаза огромные и испуганные, выдающие её с головой: подобные мероприятия не для неё.

Наблюдаю за ней издали, как и всё последнее время,

хотя она и не замечает, что я рядом.

Вижу, что волнуется. Закусывает губу и смотрит по сторонам, словно ищет кого-то глазами, но не находит. Рядом с ней разодетые девицы: короткие платья, вызывающий макияж и поволока во взгляде. Никак не могу понять, что привлекательного она нашла в их компании. Ну, да ладно... Главное – успел. Теперь она в безопасности.

На минуту отвлекаюсь на бармена – прошу воды – и вновь возвращаю взгляд к ней. Сложно объяснить, но чувствую, что сегодняшний вечер изменит всё.

Глоток... Второй... Становится немного спокойнее, даже несмотря на взбудораженную обстановку вокруг. Ловлю себя на мысли, что хочу подойти к ней, забрать отсюда прямо сейчас, увезти к отцу, а ещё лучше – к себе. Нам надо поговорить. Уже неделю собираюсь с мыслями.

Смешно! Если бы мне кто-то сказал раньше, что я буду зависим от девчонки, ни за что бы не поверил. Но иногда жизнь не спрашивает, каким боком ей повернуться.

Слежу за каждым её движением, ловлю каждый вдох и не нахожу себе места. Залпом допиваю воду и делаю шаг навстречу, словно чувствую, что если не заберу её сейчас, потеряю навсегда. Останавливает звонок мобильного. Номер неизвестен, вокруг шум. Сегодня в «Розмарине» особеннолюдно: столичный ди-джей собрал всю золотую молодёжь в одном месте. И всё же отвечаю:

– Амиров, – ору в трубку, не желая выходить из клуба,

чтобы не упустить из вида Ксюшу. Тем более, сейчас, когда Потапов пытается вытащить её на танцпол.

– Помогите мне, Валерий Таирович, умоляю! – едва прорывается сквозь шум девичий тонкий голосок.

– Ты кто такая? – Вместо того чтобы сбросить вызов, явно с чьим-то нелепым приколом, я ведусь и начинаю диалог.

– Арина, – всхлипывает та. – Помогите!

– Какая ещё Арина? – шиплю в трубку, а сам наблюдаю, как Потапов всё же уводит мою девочку танцевать. Подхожу ближе к центру зала и завожусь по полной, глядя, как этот придурок начинает прижиматься к телу Ксюши. Вот же урод!

– Валерий Таирович! – вновь пищит в трубку девчонка хуже надоедливой мухи. – Я вам под машину кинулась, помните? Неделю назад примерно.

Помню. Но, чёрт, как же она не вовремя! И голос такой расстроенный, будто, и правда, случилось что. И какой леший дёрнул меня сунуть этой выскочке визитку?! Теперь не отстанет!

– От меня что надо? – отвечаю резковато, но на то есть весомый аргумент: моя девочка нежно изгибается под ритмы московского ди-джея не со мной!

– Я в «Берлинго», меня хотят продать, – почти ревёт в трубку мелкая пигалица. – Как вещь, понимаете?

Прикрываю глаза. Аукцион, лет пять назад организованный Горским для отмывания денег. И хотя сейчас Коля вро-

де как не у дел (продал кому-то свою идею), этот проклятый «Берлинго» продолжает ломать девичьи судьбы.

– Какого чёрта ты вообще там делаешь?! – ору в трубку, приправляя свой гнев парой крепких словечек. Как же не вовремя свалилась на меня эта малолетка! Так, стоп! – Сколько тебе лет?

– Пятнадцать, – шепчет та, а я понимаю, что послать её лесом просто не имею права. На том конце – ребёнок, мелкий, несмышлёный, наверняка по совершенной глупости ступивший на территорию взрослых игр!

– Номер твоего лота какой? – уточняю у мелкой, пытаюсь вспомнить кого-нибудь из ребят из службы безопасности «Берлинго».

– Четырнадцать, а у Полинки второй. Её продали уже, – рыдает она. – Это сумасшествие какое-то!

– Фамилия твоя и Полинки! – стараюсь перекричать музыку, совершенно забывая о Ксюше.

– Ладыгина и Солнцева. Вы поможете? Не бросайте меня, прошу! Мне больше некому позвонить!

– Помогу! – отрезаю грубо и скидываю вызов. Понимаю, что надо ехать! Спасать эту идиотку, пока не поздно.

Но напоследок бросаю взгляд на танцпол: под ритмичные биты модного ди-джея моя Ксюша всё так же соблазнительно изгибается, сводя с ума всех парней в округе. Вон, один стоит прямо вплотную и не сводит с моей девочки глаз. Зараза! Набираю номер Славика, чтоб сменил меня и присмотрел за

дочерью Горского, а сам внимательно вглядываюсь в парня, стоящего напротив Ксюши. Его смазливое лицо мне кажется смутно знакомым. Секунда, вторая и я, наконец, его узнаю. Это Тимур, сын Фёдора Черниговского и внук Юрия Ермолаева! Какого чёрта он трётся возле Ксюши?! Напрочь забываю о девчонке в «Берлинго» и сквозь толпу прорываюсь ближе. Допустить этого уroda до дочери Горского не имею права, и это уже не шутки! Но, слава богу, Ксюше и самой хватает ума уйти: за ручку с подругой проходит мимо меня, слегка задев плечом, но даже не взглянув...

– Слав, – говорю подошедшему охраннику. Сегодня его смена следить за дочерью Горского. – Вон того парня в чёрной футболке и тату во всю руку видишь?

Славик уверенно кивает, а я продолжаю:

– Ему даже близко подходить к девчонке запрещено! Поверь, Горский узнает – шкуру с обоих снимет! Уяснил?

И снова кивок. С беспокойным сердцем вылетаю из «Розмарина», готовый своими руками задушить эту заразу Ладыгину, которая уже второй раз за неделю путает все мои планы.

Ночной город тает за окнами автомобиля. В салоне тихо. Лишь редкие всхлипывания мелкой пигалицы, забившейся в дальний угол на заднем сиденье, бьют по напряжённым нервам. Глупая девчонка до конца никак не может понять, что было бы с ней, опоздай я минут на десять. Сидит, дуется, словно я её личный телохранитель, а не дядька с улицы,

случайно сумевший вытащить из передраги! Бросаю мимо-
лётный взгляд в зеркало заднего вида, но ни черта не могу
разглядеть.

– Успокоилась? – Мой неожиданно громкий голос разрывает тишину. – Адрес говори, куда везти!

Молчит. Всклипывает и молчит. Мелкая не понимает, что я не супермен из мультиков!

– Ребята обещали за ней присмотреть, не переживай! Как Ермолаев её отпустит...

– Не переживать? Какой-то старый хрыч издевается там над Полинкой, а мне не переживать? – орёт на меня из глубины салона что есть силы, шмыгая носом. – Нельзя было так уезжать! Нельзя! Она же там совсем одна осталась!

– Давай верну тебя обратно! Хочешь? – не могу сдержаться, хотя понимаю, что должен. Я старше. Опытнее. Умнее. Но как же она меня бесит! Мелкая неблагодарная дрянь!

– Нет, – бормочет, глотая слёзы. – Но разве нельзя вызвать полицию? Её же там...

– Дуры вы, девки! – перебиваю Арину на полуслове. – Вас что, кто-то заставлял туда идти? Или не давал договор прочитать как следует, а? Или, может, под дулом пистолета заставлял врать о возрасте?

Бью кулаком по оплётке руля, поражаясь недалёковидности и идиотизму современных подростков, но девчонка не унимается.

– Неужели ничего нельзя сделать?

– Можно! Головой начать думать! Но у тебя, как я уже убедился, с этим огромные проблемы! Повторяю: твоя подруга подписала согласие на участие в аукционе. Не глядя, по глупости, но подписала, как, впрочем, и ты! Но если тебя, малолетнюю идиотку, мне отдали, чтобы избежать проблем, то подруга твоя совершеннолетняя, а Ермолаев... – Я замолкаю. Ермолаев – мразь, с которой у меня давние счёты! Но трогать старика не имею права: у него чёртова неприкосновенность от самого Горского. Вот только посвящать малолетку во все наши дела глупо, а потому вру:– Ермолаев – серьёзный дядька! С такими не шутят! Я не могу с ноги войти в его номер и вытащить из его постели совершеннолетнюю девушку, по доброй воле и за большие деньги улётшую туда! Понимаешь?

– Нет! Не понимаю!– почти визжит Арина. – Не хочу понимать! Только знаю, что не могу вот так сидеть здесь с вами, когда она там умирает!

Резко жму на тормоз. Нас обоих откидывает вперёд, и лишь ремни безопасности уберегают от удара. Выхожу на свежий воздух, громко хлопая дверцей.

Мне нужно успокоиться и как-то достучаться до девчонки, что я не всесильный, что не имею права подходить к Ермолаеву, что этот старикан при желании нас всех сотрёт в порошок. Прикрываю глаза и поднимаю голову к звёздному небу: за что на мои плечи свалилась эта капризная Ладыгина?!

– Мне некуда ехать, – слышу тонкий голос девчонки совсем рядом. – Я когда узнала, что это за место, позвонила отцу. Он не помог! Отвернулся, как и всегда! И мачеха не помогла, хотя это её сынок устроил нам ловушку. По его вине Поля сейчас страдает.

– Я, правда, не могу помочь, – бросаю мимолётный взгляд на Арину, отвечая ей.

– Верю, – щебечет та и встаёт рядом, задирая голову, как буквально минуту назад делал я. – Мы с мамой раньше каждый год в конце августа выезжали за город. Ставили палатку у реки всего на одну ночь. А когда небо становилось чёрным, как сейчас, мы смотрели на звёзды, мечтая отыскать падающую. Говорят, в это время они падают чаще всего. Но я так и ни разу не видела этого чуда.

– Увидишь, какие твои годы. – Смотрю на перепачканное тушью заплаканное лицо Арины и вспоминаю себя в её возрасте.

Мой мир тоже перевернулся в пятнадцать, когда батя пристрастился к покеру. Постоянные ссоры родителей, вечные пьянки отца, безденежье и мрачного вида люди, требующие немислимые суммы, по крупицам разрушали нашу семью. Помню, как вечерами сбегал из дома, иногда прихватив с собой младшую сестру Ритку, и прятался в школьном планетарии: смотрел на звёзды и мечтал перевернуть целый мир. Только вот мир оказался сильнее, и на меня ему было наплевать. Болезнь матери и постоянный голод заставили

бросить школу и попрощаться с мечтами. Хватался за любую работу, чтобы Ритка могла учиться, чтобы в школе не падала в голодные обмороки, а матери хватало хотя бы на самые простые лекарства. Я наивно верил, что прорвусь, что ещё немного, и отец очнётся! Но становилось только хуже... Когда в нашу пустую обнищалую квартиру ворвались бугаи Ермолаева, чтобы в уплату отцовского долга забрать Ритку, я озверел... Именно тогда я и пришёл к Коле Горскому. Ныне криминальный авторитет, на тот момент он только начал сколачивать вокруг себя банду, а я стал его правой рукой и верным псом. В своей жизни я совершал много плохого, и как бы сейчас ни пытался искупить свои грехи, понимаю, что вряд ли когда-нибудь отмоюсь. Но тогда иного выбора у меня не было.

– Я вас задерживаю, верно? – обрывает мои воспоминания Арина.

Невольно смотрю на неё: мелкая, едва достаёт до моей груди, худая и нескладная. Поражаюсь, как Анжелика, заправляющая девочками на аукционе уже лет пять точно, могла вообще допустить эту пигалицу до участия.

Арина поднимает на меня взгляд, полный боли и отчаяния. Она переживает, а я её прекрасно понимаю, вот только не в силах помочь. В эту минуту она так сильно напоминает мне самого себя в её годы.

– Уже нет, – отвечаю на выдохе, впервые за вечер вспоминая о Ксюше.

– Вас, наверно, ждут? Вы поезжайте, а я дальше как-нибудь сама.

– Сама?– переспрашиваю, слегка улыбаясь. – Да тебя оставлять одну на улице в таком виде в этот час намного опаснее, чем выставить на аукцион. Неужели не понимаешь?

Девчонка кутается в джинсовку и смотрит прямо в глаза.

– Спасибо, – бормочет одними губами, а я замечаю, что она вся дрожит. От холода или от пережитого стресса – не важно! Но чашка горячего чая ей не повредит точно.

– Если не хочешь к отцу, то поехали ко мне. Согреешься и приведёшь себя в порядок, а как пацаны отзвонятся, заберём твою Полину, и по домам. Согласна?

– Ага. – Девчонка вновь начинает реветь, видимо, вспомнив о подруге. – А ваша жена не будет против?

– Жена? – улыбаюсь уголком губ. – Ещё один вечер мне сорвёшь, и придётся тебя, мелкая, в жены брать!

Я шучу. Мне просто хочется, чтобы она перестала думать о своей Полине. Но девчонка явно не в ладах с чувством юмора: выпучила свои глаза изумрудного цвета и смотрит на меня, раскрыв рот.

– Я пошутил, Арин. – Треплю её по голове и подталкиваю к машине. – Зачем мне такая жена, как ты, – глупая, маленькая и сумасбродная? Да я другую люблю.

Открываю заднюю дверцу, а та словно застыла: смотрит, не отрываясь, а у самбй щеки от смущения горят. Забавная

она всё же, когда не дурит!

– Какая она? – спустя минуты три спрашивает пигалица, пристёгивая ремень безопасности. Арина случайно ловит мой взгляд в зеркале заднего вида и робко отводит глаза в сторону. Девчонка!

– «Она» – это кто? – делаю вид, что не понимаю. Замечаю, что пока она смущается и краснеет, забывает плакать. Лучше так, чем снова истерика.

– Девушка ваша, – бубнит под нос Арина, даже не представляя, что о Ксюше я готов говорить часами.

Дочь Горского вернулась в Россию всего три месяца назад и в первую же нашу встречу забрала моё сердце. Вот только я вынужден быть её тенью, оберегая и охраняя от врагов отца. И всё, чем мне пока остаётся довольствоваться, это лишь взгляды на неё украдкой.

– Ксюша самая лучшая, – отвечаю Арине. – Безумно красивая, отзывчивая, добрая, нежная. В общем, она именно та, ради которой я готов на всё. И если когда-нибудь Ксюша станет моей женой, я буду самым счастливым мужчиной на свете!

– Повезло ей! – улыбается девчонка, но голос будто вновь на грани срыва. – Я передумала, отвезите меня домой.

Но не успеваю завести мотор, как мой мобильный ожижает, весёлым перезвоном предупреждая о входящем вызове. Смотрю на экран: охранник из «Берлинго», тот самый, что помог вывести Арину и обещал отзвониться по поводу

её подруги.

– Да, Борь, – отвечаю без раздумий. – Есть новости?

– Есть, – неуверенно говорит тот. – Там, короче, Ермолаев чуток перестарался. Девчонку ту в больницу увезли. Адрес сейчас скину.

Глава 6. Забыть

Арина

Ощущение, что я в тёмной комнате: на мгновение мне включают свет, и я пытаюсь успеть запомнить хоть что-то.

Клац!

Я в клинике. Измученное лицо Полины напротив, в моей руке – её рука, вялая, безжизненно свисающая с белого больничного пододеяльника. Слезы. Господи, как много слёз! И снова темнота, сквозь которую слышу его голос.

«Верь мне. Всё будет хорошо! Я рядом!»

Новая вспышка.

Меня выворачивает наизнанку. Я хочу орать! Бить и крушить! Но ощущаю на своих плечах руки Амирова. Он так внимательно смотрит на меня, в его ласковых глазах столько тепла и заботы, что на мгновение верю в лучшее, но вновь проваливаюсь в темноту.

«Не делай глупостей. Ермолаев – не тот, с кем можно шутить. Не кричи! Успокойся! Тебе никто не поверит!»

Щелчок...

Я хочу справедливости здесь и сейчас... Бью Амирова кулаками в грудь, вгрызаюсь в его руки, когда он пытается меня удержать, и наивно полагаю, что мне все поверят на слово! Но вместо этого снова темно.

«Не разрушай свою жизнь! Молчи! Ермолаев всё вывер-

нет наизнанку! Я сам накажу его, обещаю! А сейчас поехали – отвезу тебя домой. Пожалуйста!»

Бах!

И снова свет. Видимо, утро. Какие-то люди в форме, отец с посеревшим лицом, врачи, снующие туда-сюда. А мне не терпится закрыть глаза, чтобы всё забыть. Хотя нет, я хочу видеть его – моего спасителя, единственного человека, который протянул руку помощи и не дал упасть окончательно. Но Амирова нигде нет. Вместо него – темнота.

Что я там говорила про оттенки? Цвет моей жизни – чёрный!

Этот ублюдок Кир оказался прав. Мне больно! Мне адски, невыносимо больно! Я проиграла...

С того дня прошёл почти месяц. А я всё также, закрывая глаза, вижу бледное лицо Полинки в окружении больничных стен. В тот день я умерла вместе с ней. И пускай фактически мы обе живы, но это только снаружи. Внутри – пустота.

Этой осенью я узнала, как разбиваются мечты. Вдребезги. Больно. До крови раздирая душу.

У меня больше ничего нет. Вместо школы – домашнее обучение. Вместо танцев – беседы с психологом. Мне никто не верит. Меня никто не слышит. А Полина... Полина молчит с того самого дня, когда по моей вине её полностью сломали. Если бы не я, не глупая ненависть к сводному брату, всё было бы иначе...

Я больше не верю в справедливость: никто не наказан –

ни Ермолаев, то и дело с довольной рожей мелькающий по ТВ, ни Кир, в бредни которого поверили все, даже отец.

В одночасье из золотой девочки-подростка я превратилась в лживую дрянь, решившую опорочить доброе имя Юрия Ермолаева, а взявшийся из ниоткуда Вадик лишь подлил масла в огонь, сообщив моему отцу о непристойном поведении его дочери у Леденцовой. Для всех я – испорченная и потерянная. Для всех меня больше нет. Нас с Полей просто растоптали и выкинули...

Скандал в лицее, которого мы так надеялись избежать, всё же разразился, правда, для него видео Кира было уже лишним. Полину называли шлюхой и проституткой, опозорившей доброе имя нашей школы. Задним числом по требованию родителей других учеников её отчислили из лицея, а затем и выгнали из спортшколы. Отец Полины, первое время единственный, кто пытался докопаться до истины вместе со мной, подал в отставку, её мама – главный архитектор нашего города – тоже была вынуждена уйти с должности. Спешно собравшись, семья Солнцевых покинула наш город навсегда.

Я тоже отчаянно хочу уехать. Испариться. Впервые сама прошу отца отправить меня в интернат, куда ранее планировали сослать Кира. В родном доме я схожу с ума. Каждый день вижу довольные лица мачехи и сводного брата, ловлю на себе их снисходительные взгляды и, когда поблизости нет отца, слушаю их ехидные голоса, не скупящиеся на оскорбления. Теперь за меня некому заступиться... Отец никогда

не сможет простить, что я смешала нашу фамилию с грязью.

Я дура, которая всё испортила в своей жизни сама!

Стук в дверь. Поднимаю глаза, но даже не думаю подходить. На пороге отец. Не здороваясь, не спрашивая, как мои дела, он хмуро обводит комнату взглядом и сухо заявляет:

– Я согласен, уезжай! – и тут же выходит. Наше общение теперь только такое: Пётр Кшинский больше не видит во мне своей дочери. Впрочем, и я полностью разочаровалась в нём. Между безупречной репутацией успешного бизнесмена и слепым доверием мне он выбрал первое...

Через два дня Родик везёт меня в аэропорт. В машине я совершенно одна: отец даже не вышел из кабинета со мной проститься. Зато выбежал довольный Кир, потирая потные ладони.

«Уезжаешь в закрытую школу для дебилов?» – вернул мне мои же слова придурок. – Удачи, сестрёнка!»

Небольшой чемодан, в который наспех скидано самое необходимое, стучит своими пластиковыми колёсиками по серой плитке аэропорта. Перед глазами пелена из невыплаканных слёз. Меня душат обида, разочарование, страх. Я неспешно подхожу к стойке регистрации, чтобы оформить багаж. Рейс на Москву через два часа. Девушка в униформе авиакомпании что-то щёлкает на клавиатуре, а я кручу головой, пока взгляд не выхватывает среди толпы пассажиров высокую, мощную и такую знакомую фигуру Амирова.

Невольно качаю головой: неужели он идёт ко мне? Неуже-

ли он помнит, что обещал мне там, в больнице? Я не могу в это поверить. Забыв о багаже, делаю шаг навстречу, но Амиров проходит мимо меня, словно и вовсе не узнаёт. Сдавленно шепчу: «Валера», но мужчина не слышит. Он подходит к соседней стойке, где идёт регистрация на рейс до Парижа, и что-то нежно шепчет на ухо стройной и высокой блондинке. И смотрит на неё так, словно в мире нет никого дороже... Понимаю, что это она, та самая Ксюша – его девушка, и даю себе слово «забыть».

Всё.

Обо всех.

Навсегда.

А потом улетаю...

Глава 7. Гепард

Три года спустя

Лерой

Начало июня, а уже такая жара! Кондиционер не справляется. Хочется открыть окна и впустить свежий воздух, но где бы его ещё найти в самом центре города?

Окна моего офиса выходят на оживлённый проспект. Старинное здание, третий этаж. Наверно, затея со свежим воздухом – пустая. Прислоняюсь лбом к раскалённому стеклу и бесцельно смотрю на пролетающие мимо автомобили.

Голова опять болит: последствия травмы ещё долго, видимо, будут мешать полноценной жизни.

– Жизни... – глухо шепчу самому себе.

– Нет у меня никакой жизни! – бью сгоряча кулаком в оконную раму, ощущая, как начинает дребезжать стекло. Жаль, что не разлетается на мелкие осколки, как рассыпалась вся моя жизнь.

– Валерий Таирович, – раздаётся за спиной писклявый Светочкин голос. – Ваш кофе! Как вы и просили, чёрный и без сахара. Что-то ещё?

– До Горского дозвонилась? – спрашиваю, не отрывая напряжённого взгляда от дороги.

– Н-нет, – заикается офис-менеджер, явственно ощущая моё состояние: я в бешенстве! – Уверена, рейс задержали.

Если хотите, то уточню в авиакомпании.

– Не надо, – отвечаю на выдохе, прикрывая глаза от острой боли в висках. – Просто соедини меня с ним сразу, как он появится в сети.

– Конечно, – щебечет Светочка и поспешно убегает.

Глоток горького кофе немного приводит меня в чувство, но на душе всё равно хреново! Знаю, что не должен был звонить Ксюше, но разве мог не поздравить Тимошку с днём рождения? Этот мальчуган мне как родной! Да, по сути, так оно и есть. Почти три года с момента его рождения я видел в нём сына, пока Тимур – настоящий отец мальчишки – всё это время вынашивал планы мести, не вспоминая о своём ребёнке.

«Стоп!» – торможу сам себя, как учил психолог, чтобы ра-на снова не начинала кровоточить. Почти два месяца кон-сультировался у мозгоправа, и теперь я умею говорить себе «Стоп», когда в душу непрошено лезет образ Ксюши и коря-вые мысли «что было бы, если...»

Нет, по доброй воле позволять кому-то бередить мою ду-шу и копать в мозгах я бы не стал, но получить допуск до охранной деятельности после серьёзной травмы и несколь-ких дней комы я смог только после письменной закорючки психолога: «Годен».

Загоняю мысли о Ксюше в самый дальний уголок памя-ти и вновь начинаю перечитывать договор продажи. Стоило мне оклематься после пожара, как я твёрдо решил полностью

изменить свою жизнь: продать бизнес, дом и переехать ближе к сестре. Я помню, что обещал отпустить Ксюшу, а в этом городе слишком многое продолжает напоминать мне о ней.

Охранное агентство «Гепард» по праву считается в нашем городе самым успешным. Мои ребята ещё ни разу никого не подвели. Личная охрана, сопровождение грузов и сделок, охрана объектов – это только верхушка айсберга. По сути, всё, чем занимался Горский нелегально, сейчас делал мой «Гепард», но уже согласно букве закона. Продать его, передать в чужие руки крайне сложно! И тут вопрос не в его цене, а в том, кто придёт на смену...

– Лерой! – раздаётся по громкой связи бодрый голос Горского. – Опять Светулю страшашь? Весь телефон мне оборвала!

– Приземлился? – Я не в настроении шутить, да и Коля это понимает. Горский знает меня лучше, чем кто-либо, и просто пытается отвлечь, как и все последние недели...

– Да вот недавно сели. Сейчас Катюшу домой везу.

– Как Париж? – Мы оба знаем, что скрывается за этим вопросом, но спросить напрямую не могу. Дал себе зарок не произносить её имя вслух.

– Стойт, что с ним станет. У Ксюши всё хорошо, – читает мои мысли Коля. – У них с Тимуром всё отлично. Тимоха тебе передавал привет! Они не вернутся, Лер!

Со стороны может показаться, что он издевается, сыплет соль на кровоточащую рану, но, на самом деле, пытается по-

мочь. Знает, что сам я не спрошу, но только об этом и буду думать весь разговор, от сумасшедшего любопытства сжирая себя изнутри, а у нас много не менее важных тем, требующих внимания.

– Лерой, я тут вот что подумал... – Голос Горского хитрый и масляный. – Не спеши Анисимову «Гепарда» отдавать. Я всё понимаю: хочешь уехать, и побыстрее! Но тут такое дело... Может, помнишь, у Соболева конкурент был в строительном бизнесе – Петя Кшинский?

– Кшинский? – Фамилия знакомая, но ассоциаций пока никаких. Прокручиваю в памяти, и тут меня осеняет: – Это не тот ли, у которого жену сбили на Менделеева лет пять назад?

– Тот, тот! – усмехается Коля, хотя по факту история там была не смешная. И этот Петя лопухом не был, сразу сообразив, что не простое ДТП приключилось. Правда, до истины он тогда так и не докопался: заново влюбился, женился и забил.

– Зачем ему «Гепард»? В строительстве головняка мало? – Не могу уловить логику Горского.

– У него проблемы, Лерой. Большие. – Слышу, Горский что-то шепчет жене, а потом вновь возвращается к разговору: – Фирму он твою, конечно, не выкупит, но ты можешь неплохо заработать сам.

– Коль, я тебе уже...

– Лерой! – перебивает Горский. – Знаю, что не терпится

тебе всё здесь бросить и свалить, только от себя, Лер, не убежишь! Пробовал – знаю! А тут хорошему человеку поможешь!

– Коль, – опять эти его проделки, чтобы я не уезжал. – Всё решено!

– Да погоди ты! Не горячись! Последнее дело и езжай! Поверь: спасёшь мужика – «Гепарда» твоего потом с ушами оторвут!

– Ладно. – Голова разрывается, и спорить с Колей совершенно нет сил. – Пусть наберёт меня. Посмотрим, что можно сделать.

Понимаю, что пожалею, если пойду на поводу у Горского и задержусь в этом городе ещё хотя бы на месяц, но отказать не могу: не так часто Коля меня о чём-то просит, да и я обязан ему по гроб жизни.

– Спасибо, Амиров. А про Ксюху забудь!

– Проехали!

– Я серьёзно, Валер! Она беременна, да и свадьба с Тимуром не за горами.

Внутри что-то надрывается: эти новости – такие ожидаемые и банальные – опустошают меня вконец. Мой запас прочности на нуле, и я понимаю, что куда бы ни уехал, легче не станет! Уйти с головой в работу, забыться, чтоб не скулить побитым псом по ночам! Чтобы ни одной свободной минуты! Только так!

Встреча с Кшинским назначена в полдень в ресторане

«Аура» в двух кварталах от офиса. Приезжаю чуть раньше и листаю дело Пети, наспех собранное ребятами с минимумом информации. На первый взгляд, ничего особенного: обычный бизнесмен, дом, жена-красавица, дочь где-то в Подмосковье оканчивает престижную школу, пасынок в Питере на втором курсе экономического. Что же такого могло произойти в жизни Кшинского, чтобы понадобилась моя помощь?

Петя приходит ровно в двенадцать в сопровождении двух лбов, которые только и отпугивают, что своими шкафообразными формами, но по факту ребята бесполезны. Где и нашёл таких?

Он скупно улыбается, крепко жмёт мне руку и садится напротив. Волнуется, вижу. Значит, и правда, нужна помощь.

– Мы с тобой лично не знакомы. – Голос Кшинского ровный и приглушённый. – Но если помнишь, твоя контора вела дело моей погибшей жены?

– Припоминаю, – сухо киваю, разглядывая оппонента: невысокий, поджарый, с проседью в тёмных волосах и строгими чертами лица. С виду ничего особенного – обычный мужичок, если бы не взгляд. Ощущение, что я уже видел подобный: яркий, выразительный, изумрудный.

– Я очень жалею, что тогда дал делу задний ход. Уверен, что мои проблемы сегодня имеют старые корни, но я сам никак не могу до них докопаться.

– Давай по порядку, – пытаюсь понять, чем смогу помочь Колиному протеже. – Возобновить расследование смерти

твоей жены будет сложно.

– Знаю, да и не прошу об этом.

– Тогда что?

– Бизнес летит в трубу. – Петя потирает лоб. – Но не это меня беспокоит. В своих делах я сам наведу порядок. Мне нужны твои люди для личной охраны моей семьи. Несколько человек для безопасности дома, ну и персональные ребята для меня, моей жены и дочери.

– С домом – не проблема. С тобой и женой тоже понятно, – кошусь на амбалов, радуясь, что Кшинский не дурак, сам всё понимает. – Дочь у тебя, вроде, в Москве. Боюсь, не смогу туда ребят отправить. Лучше местных найти.

Петя разглядывает мою папочку и улыбается.

– Я смотрю, пробил уже меня?

– Такая работа, – пожимаю плечами.

– Дочь вернётся через неделю. – Кшинский меняется в лице и задумчиво смотрит в окно. – Хотела в Москве поступать, но сейчас я боюсь оставлять её без присмотра. Валер, она девочка сложная и требует особого внимания. Подбери среди своих ребят самого толкового... Я уверен, что давить на меня будут через неё.

Глава 8 В шкафу

Арина

Возвращаться – плохая примета! Только я в приметы не верю, а потому смело переступаю порог дома, где прожила пятнадцать лет своей жизни.

Ничего не изменилось, совершенно. Будто я выходила на пробежку, а не уезжала на долгих три года.

Ничего не изменилось: я всё так же ненавижу это место! Правда, теперь ещё сильнее...

– Петя, Петенька! – разносится по гостиной писклявый голос мачехи, которой я предпочла бы не слышать ещё лет десять, а лучше вообще никогда. – Наша девочка приехала! Господи, Арина, ты ли это?! Ну, надо же, как выросла, изменилась, похорошела!

– Это просто вы, Снежана, постарели. – Выбираю из арсенала улыбок самую слащавую и продолжаю: – Причём сильно! Я, конечно, слышала, что у отца дела идут неважно, но того, что даже на косметолога не хватает, не ожидала.

Вижу, что по лестнице старательно семенит вниз сам Пётр Кшинский, выскочивший из кабинета на крики жены.

– Я так скучала по вам, Снежана! – елеиным голоском добавляю чуть громче, чтобы слышал старик. Надеюсь, за три года его слух не ухудшился.

– Мелкая дрянь! – шипит Стервелла, и это не остаётся

не замеченным отцом. Но, как и следовало ожидать, занимает он изначально не мою сторону.

– Арина! Не успела вернуться, как вновь за старое? Мне казалось, ты повзрослела, и мы все не раз уже обговорили, разве нет?

Обговорили, как же! Скорее меня просто поставили перед фактом: где жить и как, на кого учиться и с кем дружить. Впрочем, разве когда-то в моей жизни было иначе?

– Прости, пап, – через силу чмокаю старика в щеку. – Я всё помню: Снежана нежная, ранимая, тонкая натура.

– Верно, Арина, а ещё у неё под сердцем твоя сестра, так что...

– Я поняла, па. Можно я к себе пойду?

Новость о беременности Стервеллы пока никак не укладывается в моей голове. Я люблю детей, очень. Я же и сама в душе ещё совсем ребёнок. Но как же неприятно осознавать, что теперь эта стерва в нашей жизни навсегда!

В моей комнате тоже всё по-прежнему, даже вещи на столе лежат так же, как я их оставляла перед отъездом в школу. Время в этом доме замерло. Болото, самое настоящее!

Раскидываю в шкаф ту немногую одежду, что привезла с собой, и понимаю, что поступала совершенно верно, не приезжая на каникулы. Я и сейчас лучше жила бы в общежитии какого-нибудь универа, чем здесь, но отцу удалось убедить меня вернуться.

Ещё в марте, когда Ермолаев сторел заживо в собствен-

ном доме, а по делу Полинки, наконец, возобновили расследование, старик приехал и слёзно просил его простить... Чтобы поверить собственной дочери, ему понадобилось два с лишним года и официальные показания других девочек, жертв «Берлинго». Помню, как в истерике выгнала Петра Кшинского из своей комнаты в интернате и поклялась никогда не возвращаться в его дом. А потом от Полинки я узнала подробности расследования и имя человека, который добился, чтобы делу дали зелёный свет! Амиров сдержал обещание! Он отомстил! И пусть Ермолаева наказал Бог, все остальные причастные к аукциону люди сейчас были за решёткой благодаря Валере.

Я вернулась не домой! Я приехала, чтобы сказать спасибо Амирову.

Но для начала, мне нужно было его отыскать! Чёрная визитка – всё, что осталось у меня от мужчины с добрым и ласковым взглядом. Мужчины, которого я вопреки своему обещанию так и не смогла позабыть. Казалось бы, три года – большой срок, но, видимо, я вся в маму – однолюбка! Та тоже влюбилась в отца с первого взгляда и больше уже никого не замечала возле себя. Так и я все эти годы лелеяла в памяти образ Амирова и сейчас сделаю всё, чтобы добиться его внимания.

– Арина, дочка, – ловит меня отец в гостиной, когда хочу выйти в сад, пришедший в уныние после смерти мамы. – Я уже говорил, но понимаю, что могло вылететь из головы: на

улицу ты одна не выходишь!

– Па, я в сад, – отмахиваюсь от старика. – Там, вроде, и так на каждый метр по амбалу. У нас растений меньше, чем твоих охранников по периметру. Кстати, неужели нельзя было нанять садовника? Посмотри: на дворе лето, а у нас ни одной клумбы!

– У Снеженьки аллергия на цветение, – мямлит отец, даже не осознавая, каким мягкотелым сейчас выглядит. – Пойдём со мной, я познакомлю тебя с Арсением – он будет тебя везде сопровождать.

Еле сдерживаюсь, чтобы не высказать отцу всё, что думаю на этот счёт, но вместо этого тащусь за ним в его кабинет и жду, когда мне представят моего личного телохранителя. Забавно даже: меня будет охранять какой-то здоровенный шкаф, рискуя своей жизнью ради меня. На миг ощущаю себя знаменитостью и важной леди, как дверь в кабинет отца отворяется и на пороге стоит «он»: маленький, тощий, полностью лысый и абсолютно неприметный дядька лет пятидесяти.

– Пап, ты решил на мне сэкономить? – осматривая Арсения, невольно усмехаюсь я.

– Арина! – осаждают меня отец. – Лерой выделил для тебя самого лучшего телохранителя. Арсений – профессионал. С ним ты будешь в безопасности.

– Ну-ну! – скептически смотрю на это метровое недоразумение. – Скорее, наоборот. Ладно, па, постараюсь не поте-

рять выделенный мне объект для охраны.

– Арина! – закипает отец. – Немного уважения с твоей стороны не помешает!

Он прав: этот Арсений не виноват, что не соответствует моим ожиданиям, и уж тем более не заслуживает хамства. Вот только рядом с отцом у меня не получается вести себя иначе.

– Арсений, простите! – выдавливаю из себя и смотрю на отца. – Ты бы отдал его Снежане. Ей нужнее. Да и тебе было бы спокойнее: с таким она точно тебе рогов не наставит!

– Пошла вон! – Лицо отца горит огнём. Отлично! Ему за меня стыдно. То ли ещё будет! Он миллион раз пожалеет, что попросил меня вернуться.

Следующие несколько дней пролетают незаметно. Арсений ходит за мной, словно тень: он тих и неприметен, но всегда рядом. Наверно, именно таким и должен быть телохранитель. Иногда мне стыдно за свои слова в его адрес, но стараюсь об этом не думать.

Сегодня всё же решаюсь выйти из дома: мне нужно обновить гардероб. А потому в сопровождении Арсения еду в крупный торговый центр нашего города. Неспешно слоняюсь из одного отдела в другой, совершенно не обращая внимания на одежду. Мои мысли заняты иным: ещё вчера я набралась смелости и позвонила Амирову. Мне просто не терпится поблагодарить его, хотя кого я обманываю. Я хочу его увидеть! Вот только его телефонный номер уже второй день

недоступен.

– Арсений, а вы не знаете, охранное агентство «Гепард» в нашем городе ещё работает? – впервые решаюсь заговорить с охранником. Несколько часов он молчаливо и покорно слонялся за мной по бутикам, внимательно наблюдая за окружающей обстановкой. Его даже не смутил отдел нижнего белья. Робот, не иначе!

– Да, Арина Петровна, – сухо отвечает тот. – Как раз там ваш отец и нанял охрану для дома.

Я резко останавливаюсь, не в силах сдержать удивлённого вздоха. Арсений тормозит следом, взмахнув бумажными пакетами из дорогого бутика, которые ему приходится таскать за мной.

– Вы тоже, получается, из «Гепарда»? – окидываю взглядом мужичка. И почему отец не нанял для моей охраны Амирова, а остановил свой выбор вот на этом?

– Да, всё верно, – отвечает Арсений, никоим образом не изменяясь в лице. У него вообще нет никаких эмоций.

– Тогда вы должны знать некого Амирова Валерия, верно?

– Допустим, – отрезает Арсений. – Что конкретно вас интересует?

Краска мгновенно заливает мои щёки! Что меня интересует? Всё! Абсолютно! Где живёт? Женат ли? Кого любит? И помнит ли обо мне... Но разве хватит мне смелости спросить нечто подобное? Да и понимаю, что всё сказанное мной Арсению, будет тут же донесено до отца, а потому стараюсь

быть хитрее.

– Да так, – отмахиваюсь от Арсения, делая вид, что мне всё равно. – Отец сказал вы самый лучший. Неужели Амиров справляется с работой хуже вас? Или охранять людей не его специализация?

– Арина Петровна, – начинает Арсений, как-то странно взглянув на меня, – насколько я знаю, Валерий Таирович лишь однажды брал на себя личную охрану, да и то потому, что на то была просьба заказчика.

– А мой отец, выходит, выбрал вас, – размышляю вслух и возобновляю движение в сторону парковки, где нас ожидает Родик, а голове тараканы судорожно придумывают план по завоеванию Амирова. – Арсений, а откажитесь от меня, а?

– В каком смысле?

– Попросите начальство перевести вас на другой объект. Можете сказать, что я вас достала своим хамством и скверным характером. Все поверят.

– Простите, Арина Петровна, но это не так. Зачем мне наговаривать на вас не бог весть что?

– Затем, что если не уйдёте сами, я выверну всё так, что вас уволят. Поверьте, я смогу!

– Для чего вам это?! – недоумевают охранник. Он старается казаться невозмутимым, но чувствую, как внутри у него взрываются петарды. – Поверьте, вам нужна охрана, а я смогу вас защитить.

– То есть, ваш ответ «нет»?

Арсений ничего не отвечает, лишь хмуро качает головой. Что ж, раз не хочет по-хорошему, будет по-плохому. Но я добьюсь своего: Амиров займёт его место!

Заставить отца сменить Арсения оказывается проще простого. С формулировкой «Не сошлись характерами» уже через два дня отец совершает рокировку и отправляет моего несостоявшегося секьюрити охранять Снежану. Меня же знакомят с новым охранником. На сей раз отец, полагая, что Арсений не угодил мне чисто внешне, приводит в дом настоящего красавца: под два метра ростом, с горой мышц и даже не сильно пустым взглядом. С таким не стыдно идти по городу и заходить в дорогие бутики. Но как бы ни был хорош Михаил, второй телохранитель, это всё равно не Валера.

Все мои уловки, что позволили сместить Арсения, с новым охранником просто не работают: отец меня не слушает и не верит ни единому слову. Тогда приходится идти на крайние меры.

– Папа, я решила вновь заняться танцами, – как ни в чём не бывало заявляю старику за завтраком. Он поднимает на меня беглый взгляд и кивает. Ему всё равно.

– Очень правильное решение! – пищит Снежана, морща носик перед тарелкой с овсянкой. Всем и каждому она пытается показать, как непросто беременной пережить токсикоз. Однако, когда никто не видит, она открывает холодильник и жучит оттуда всё без разбора.

– Отлично, тогда сегодня и начну. Я заберу Родика?

– И Родион, и Михаил всегда в твоём распоряжении, – сухо отвечает отец, больше не поднимая на меня глаз. Оно и понятно: в тарелке зрелище намного интереснее собственной дочери.

Наспех допив кофе, тороплюсь приступить к плану по избавлению от очередного охранника.

Ближе к десяти Родик высаживает нас с Мишей возле спорткомплекса, где прошла вся моя жизнь. Сердце неприятно щемит: я так тогда и не поехала в Венгрию на соревнования. И пусть в интернате я продолжила заниматься, в любом случае из разряда спортивных достижений моё увлечение перешло в обычное хобби.

Марина Сергеевна встречает меня в холле и крепко обнимает. Она тоже сожалеет, что потеряла во мне перспективную спортсменку, но радуется встрече. Сегодня у меня индивидуальное занятие: я буду навёрстывать упущенное.

– Так, Арин, пока разогревайся, минут через десять начнём, – пропуская меня в зал, сообщает тренер и в упор смотрит на Мишу. – Вы, молодой человек, танцевать вот в этом собираетесь? Переоденьтесь!

– Марина Сергеевна, – делаю вид, что хочу заступиться за охранника. – Миша не будет заниматься! Он просто меня оберегает и следит за каждым шагом.

– Арина, посторонним на паркете не место! – безапелляционно заявляет Марина Сергеевна, полностью оправдывая мои ожидания. – Либо молодой человек занимается, либо

пусть стоит за дверью! В этом зале, Арина, кроме моих нагоняев, тебе ничего не угрожает.

Смотрю на Мишу и невинно пожимаю плечами, мол, такой вот у меня суровый тренер. Он окидывает внимательным взглядом зал и, удостоверившись, что здесь и муха без спроса не пролетит, выходит в коридор. Я же, довольная, начинаю разминаться.

Два часа тренировки проносятся незаметно. Увлечённая погружением в прошлое, я едва не забываю о главной цели: избавлении от Миши.

– Вот же чёрт! – вскрикиваю внезапно, стоит Марине Сергеевне отвернуться, и хватаюсь за щиколотку.

– Что такое? – Тренер смотрит на меня удивлённо – ничего не предвещало беды.

– Похоже, подвернула, – шиплю от воображаемой боли. – Отпустите к врачу?

– Иди, конечно, – суется Марина Сергеевна. – Хотя, давай, я позову Надежду Валентиновну сюда.

– Н-не стоит, – продолжаю играть роль пострадавшей. – Не думаю, что за три года она подобрела, а я помню, как не любит наш фельдшер бегать за больными.

– И то верно! – соглашается женщина. – Если можешь сама, то иди.

– Ага. – Прихрамывая, начинаю ковылять к выходу. – Марина Сергеевна, а можно я через тренерскую проскочу? Так ближе.

– Конечно, Арин.

Еле-еле тащусь до двери, куда посторонним вход запрещён, и тут же ускоряю шаги, оставляя в зале тренера, а за его пределами – ничего не подозревающего Михаила. В отличие от него я знаю этот спорткомплекс, как свои пять пальцев, а потому найти укромное местечко не составляет никакого труда. Забегаю в пустую раздевалку борцов и прячусь в огромном шкафу, зачем-то установленном там по центру. Всё. Теперь остаётся только ждать, когда Михаила уволят!

В помещении царит полумрак и гробовая тишина. Неудивительно: у школьников каникулы, и групповых тренировок нет, а значит, и я могу не переживать, что своим присутствием кого-нибудь смущу. Прикрываю глаза и стараюсь успокоиться.

Но стоит мне выровнять дыхание, как внезапно раздаётся хлопёк двери и слышатся тяжёлые шаги, явно принадлежащие не школьнику. Внутри всё сжимается от одной только мысли, что это Миша со своим идеальным чутьём смог меня отыскать, но внезапно шаги смолкают, на смену им доносится шум воды из душевой.

Осторожно, едва прикасаясь к тяжёлой дверце своего убежища, слегка приоткрываю её, чтобы одним глазом оценить обстановку: прямо напротив меня вижу хаотично разбросанную на скамейке спортивную форму и кроссовки размера так сорок пятого. С одной стороны, камень с души тут же спадает – это не Миша, но с другой – понимаю, что нужно по-

кинуть раздевалку, пока хозяин огромной обуви не вытащил меня за шкуру такой же здоровенной рукой. Но как же не хочется искать новое убежище!

Пока я думаю, что делать, вода в душе затихает. Вариантов нет – сижу в шкафу и стараюсь не дышать. Снова шаги, на сей раз мягкие, слегка хлюпающие. А потом сквозь щёлочку замечаю и босые мужские ноги, выше колена закрытые белоснежным полотенцем.

Щёки горят: тайно подглядывать за мужчиной, который сейчас явно начнёт переодеваться, мне ещё не доводилось. Но оторваться от зрелища не могу. Медленно, словно замороженная увиденным, я скольжу взглядом всё выше и выше, поднимаясь от голых пальцев ног к мускулистой голени и дальше по белому махровому полотну, надеясь, кроме ног увидеть и лицо незнакомца. Вот только моя тормознутость играет со мной злую шутку. Явно не ожидая, что в раздевалке притаилась сумасшедшая девица, мужчина скидывает полотенце, открывая моему взору абсолютно голые накачанные ягодицы. От неожиданности вскрикиваю и ударяюсь головой о перекладину для плечиков, закусывая губу и понимая, что выдала себя с потрохами.

Со стороны незнакомца слышится бархатистый голос, коим он вспоминает не самые приличные слова, а я зажимаюсь от предвкушения собственного позора.

Чувствую, как дверь в шкаф открывается. Свет и свежий воздух бьют в лицо, а вместе с ними до дрожи приятный аро-

мат хвои и лайма, исходящий от мужчины.

– Какого лешего?! – рычит на меня обладатель красивых ног, а я боюсь раскрыть глаза и прикрываю лицо ладонями. Мне стыдно! Боже, как же мне стыдно!

– С тобой всё хорошо? – ухмыляется мужчина, а я, представляя, что он сейчас видит перед собой, сжимаюсь ещё сильнее.

– Может, покинешь чужую раздевалку? Или не насмотрелась ещё? – Он точно издевается, совершенно не жалея меня.

– Да! Сейчас! Простите, я не специально, – бормочу себе в ладони, но не могу сдвинуться с места.

– Чего ты там булькаешь? – произносит мужчина и огромными тёплыми, слегка влажными ладонями накрывает мои, освобождая закрытое лицо.

– Ну, – мягко произносит он, – и что ты забыла в мужской раздевалке?

Понимаю, что глупо и дальше избегать разговора, открываю глаза, но не решаюсь их поднять. И снова вижу голые мужские ступни. Молю Бога, чтобы этот великан накиннул обратно полотенце, и медленно поднимаю глаза – нет, в этот раз не с вождением рассматривая незнакомца, а от дикого, всепоглощающего стыда, оттягивая неизбежное.

Когда глаза цепляются за белоснежную ткань, становится чуть легче. Скольжу по ней взглядом чуть выше, и вижу покрытую капельками воды атласную кожу, словно натянутую на выступающие упругие мышцы пресса. А этот красавчик,

как назло, не отходит, ждёт, открыто наслаждаясь моим смущением.

– Глаза находятся чуть выше! – добивает мерзавец, и я, закусив губу, решаюсь взглянуть в лицо мужчины.

– Вы? – вырывается тонкий писк, когда вижу перед собой лучистый и насмешливый взгляд Амирова. Он всматривается в моё лицо, но совершенно точно не узнаёт. Валера меня забыл!

Глава 9. Мой

Арина

Амиров смотрит на меня в упор и не узнаёт. Неужели совсем не помнит?

– Я Арина, – шепчу пересохшими губами. – Вы спасли меня из «Берлинго», помните?

– Точно! – щёлкает пальцами Амиров и отходит от шкафа. – А я думаю: что лицо знакомое?

Валера вновь бросает на меня ироничный взгляд и улыбается, даже не представляя, насколько обворожительна его улыбка. А я не могу отвести от него глаз: на тёмных волосах сверкают капли воды, лёгкая небритость на щеках и эта обнажённая кожа... Так и хочется подойти ближе и притронуться...

– Ладыгина, да? – вспоминает Амиров, отходя всё дальше, а я не слушаю. Только мысленно прошу его обернуться, чтобы снова встретиться с бездной его карих глаз.

– Что вы здесь делаете? – задаю самый идиотский вопрос, который только можно задать.

Амиров усмехается, но не смотрит на меня, не оборачивается. Он подходит к окну и наваливается на раму.

– Смешная ты, Арина! – заявляет он, устремив взгляд в сторону парковки возле спорткомплекса. – И давай прекращай мне «выкать»: ощущаю себя стариком.

– Простите, не буду, – мямлю под нос, не понимая совершенно, куда делась моя уверенность. – Точнее, прости.

– Я же искал тебя, мелкая, когда по вашему делу возобновили расследование, но не нашёл. Ты тогда как сквозь землю провалилась.

Смотрю на него и не могу мыслить логически. В ушах только и звенит его фраза: «Я искал тебя», остальное не слышу. Он не забыл! Просто не узнал! Конечно, я выросла, изменилась: уже не та угловатая девочка без намёков на женственность.

– Я уезжала, – бормочу, пожирая спину Амирова глазами и представляя, как приятно, наверное, обнимать его, прикасаясь щекой к бархатистой коже. – Но теперь буду рядом, обещаю!

Валера поворачивается и скользит по мне равнодушным взглядом. Ему это ни к чему.

– И что ты, мелкая, забыла в мужской раздевалке? – спрашивает с издевкой в голосе.

– Хотела сделать сюрприз своему парню! – Мне не нравится, что он называет меня мелкой и вообще разговаривает, как с несмышлёным ребёнком. Пусть знает, что я выросла и стала девушкой, желанной для других мужчин!

Но Амиров опять разбивает вдребезги мои планы, начиная громко и заливисто хохотать – так искренне, так заразительно! А мне обидно до слёз: он совершенно не воспринимает меня всерьёз.

– И в какой же из двух групп занимается твой ухажёр? С пятилетками или восьмилетками? – не может угомониться Валера.

– Ну, других групп на сегодня нет, и те вечером, – сквозь смех замечает он, уловив моё замешательство. – Так что, Арин, познакомишь с бойфрендом?

– Да ну тебя! – обиженно фыркаю и, наконец, пытаюсь выбраться из шкафа. Каким бы большим и просторным тот ни казался, стоять в нём, сгорбившись в три погибели, – то ещё удовольствие. Ноги давно затекли, спина устала, да и ощущаю себя самой настоящей идиоткой. И всё же покинуть мужскую раздевалку хочу с гордо поднятым носом, что бы там ни думал Амиров.

Задираю голову и решительно шагаю прочь. В моих мечтах я неспешно выхожу из помещения, соблазнительно покачивая бёдрами и приковывая к себе жадный взгляд мужчины, всё ещё стоящего передо мной в одном полотенце. Но это только в мечтах. Реальность всегда жёстче и безжалостнее! И пока я одной ногой переступаю порог деревянного шкафа, каблук второй застревает между панелей, и я лечу вниз, едва успев вскрикнуть. Нет, я не парю изящно и грациозно! Я шлёпаюсь на пол, как мешок с картошкой! А ещё мне больно! Понимаю, что содрала колени и ладони в кровь, но не чувствую ничего, кроме жгучего, невыносимого стыда.

– Почему каждый раз, когда ты, Арина, встречаешься на моём пути, с тобой вечно что-то приключается? – Крепкие

руки Амирова придерживают меня за плечи, поднимая с пола. А мне, напротив, хочется провалиться сквозь землю! Лимит позора на сегодня исчерпан. Хотя...

Не без помощи встав на ноги, понимаю, что Валера меня не отпускает. Его руки продолжают держать меня крепко, властно, по-хозяйски. А сам Амиров больше не смеётся. Вместо этого он внимательно всматривается в моё лицо, словно видит меня впервые. Его взгляд вмиг меняется, становится тяжёлым и немного мутным. Он так близко, что я ощущаю его дыхание и вновь чувствую свежий аромат геля для душа. Смотрю на него в ответ, а у самой подкашиваются ноги: это же тот самый, идеальный момент для нашего первого поцелуя. Стук глупого сердца оглушает. Я так боюсь сделать что-то неправильно и спугнуть Амирова! Прикрываю глаза и слегка подаюсь вперёд. Жду, перекладывая инициативу в его сильные руки. Вот сейчас! Ещё немного!

– Арин, шла бы ты по своим делам, если не сильно ушиблась – Амиров окунает меня с головой в бочку с надписью «ПОЗОР». – Мне переодеться нужно, да и дел ещё непочатый край.

Отскакиваю от него, как ошпаренная, и несусь к выходу.

– Чурбан престарелый! – бурчу под нос, с силой хлопая дверью в раздевалку. – Ты ещё пожалеешь!

В глазах слезы, а я даже толком не могу понять, отчего: то ли мне обидно, что меня выставили за дверь, как ненужную собачонку, то ли просто стыдно за свою глупость и наив-

ность. Бегу, не разбирая дороги. Коридоры, лестницы, какие-то люди, идущие навстречу, пока не упираюсь носом в широкую грудь Миши.

Он разъярён. Вижу по нему, что не первый час ищет меня с пеной у рта. Миша окидывает меня беглым взглядом и замирает: недосмотрел!

– Что с вами случилось? – спрашивает, слегка побелев, заметив ссадины на руках и коленях.

– Где же вы были, Михаил, когда по дороге к медикам какие-то отморозки затащили меня в пустую раздевалку и там... чуть... – срываюсь в слёзы. Мне даже не нужно ничего изображать: Амиров и без того постарался на славу!

Конечно, никаких подростков, посмевших поднять руку на Арину Кшинскую, не находят, зато Михаил этим же вечером отправляется в отставку.

За ужином я веду себя скромно и тихо. Несколько раз натянуто улыбаюсь Снежане и пропускаю мимо ушей её непрекращающиеся замечания. Она уверена, что ни один охранник не в силах справиться с моим идиотским характером.

– Арина, как доешь, зайди ко мне, – вещает отец, с непроницаемым видом вставая из-за стола.

Ловлю на себе довольный взгляд мачехи и понимаю, что ничего хорошего меня не ждёт. Схрумкиваю для приличия огурец и понуро тащусь в папин кабинет.

– Дочь, вот скажи, чего ты добиваешься? – с порога начинает отчитывать меня отец. – Думаешь, охрана – моя блажь?

Нет! Уже говорил и повторяю: ситуация непростая!

– Пап, я что, специально? – вздыхаю, разглядывая собрания сочинений в книжном шкафу. – Ты просто не тех выбрал. Они, может, и лучшие в своём деле, не спорю, только не мои.

– Глупости! – прерывает меня отец.

– А вот и нет. – Бросаю книги и подхожу к нему. – Позволь мне самой выбрать.

– Ты что думаешь, у меня тут интернет-магазин охранников? Мне уже неловко перед Лероем! И дня не проходит, чтобы я не просил за тебя!

– Папуль, это в последний раз, обещаю! – подлетаю к старику и обнимаю того, прижимаясь щекой к груди. Уже и забыла, когда делала так в последний раз. – Мне Арсений говорил, что самый лучший у них там какой-то то ли Акимов, то ли Амиров. Давай его попробуем, а? Обещаю, что буду беречь и ценить, каким бы он ни оказался.

– Амиров? – усмехнулся отец. – Арин, у тебя губа не дура! Самого Лероя тебе подавай?

– Лероя? – переспрашиваю не понимая. Уже не раз старик произносит это имя, но при чём тут Амиров?

– Амиров Валерий, он же Лерой для своих, – хозяин «Гепарда». Я, конечно, спрошу, но он, вроде, после травмы. Кстати, как раз по делу Ермолаева пострадал. Говорят, еле откачали: несколько дней в коме был. Ох, Арина, не знаю, не знаю!

И всё же прямо при мне отец набирает Амирова, а у меня в голове не укладывается услышанное: Ермолаев, травма, кома... Неужели Валера сдержал данное мне обещание такой ценой? Сердце сжимается, и мои капризы кажутся по-детски глупыми и нелепыми.

Разговор отца пролетает мимо ушей: как старик будет убеждать Лероя, не важно, главное – результат. И он не заставляет себя ждать.

– Лерой согласен, – выдыхает отец. – Но если, Арина, ты выкинешь ещё что-нибудь...

– Па, обещаю, что буду паинькой, – прижимаюсь к груди родителя крепче. – Вот увидишь!

Встреча с Амировым назначена на утро. Центр города. Старинное здание. Третий этаж полностью отведён под охранное агентство. Нас ждут к десяти, но на месте мы намного раньше. Отсчитываю ступени, нещадно волнуясь при мысли о том, как отреагирует Лерой, вновь увидев меня. Между вторым и третьим этажом отец тормозит: у него важный телефонный разговор. Он зависает, жестом указывая подниматься без него.

Внутри офиса всё строго и лаконично: просторный холл с парой кожаных диванов, стойка секретаря и несколько кабинетов. Внимание привлекает девушка, которая при виде меня расплывается в дежурной улыбке и оценивает взглядом. Да, пожалуй, для этой длинноногой блондинки с бюстом порнозвезды я не конкурентка. Мои обычные джинсо-

вые шорты и майка на одно плечо блекнут по сравнению с коротким облегающим платьем секретарши и её каблуками высотой сантиметров десять, и лишний раз выдают во мне малолетку, совершенно несведущую ничего в предпочтениях мужчин. Смотрю на эту Барби и начинаю понимать, какие девушки во вкусе Лероя, невольно вспоминая его Ксюшу тогда в аэропорту. Увы, я полная противоположность обеим! С другой стороны, кольца на его пальце я не заметила, а это значит... Но мои мысли прерывает Амиров собственной персоной, вышедший из кабинета и мило улыбающийся – не мне, а своей секретарше. Он что-то ей объясняет, а та кивает, делая вид, что всё понимает. Врёт! В глазах – пустота!

Слежу за ними, мысленно поторапливая отца, но Лерой его опережает.

– Опять ты, мелкая? – Его голос ранит холодом и безразличием. В глазах удивление, а на лице недоверчивая улыбка. Он так и не понял, что никакой Ладыгиной не существует.

– Я же обещала, что буду рядом! – смеюсь в ответ сквозь трещины на сердце и подхожу ближе.

– Давай ты будешь рядом с кем-нибудь другим! – безжалостно бьёт он меня наотмашь словами словами, даже не глядя в мою сторону, и тычет пальцем в какие-то бумаги для своей блондинки. – От тебя, Арина, одни неприятности!

Шагаю в их сторону, не сводя глаз с Амирова. Строгий костюм, идеальная стрижка и гладко выбритые щёки. А ещё вчера он щеголял передо мной почти голый. Усмехаюсь сво-

им воспоминаниям и останавливаюсь в шаге от него.

– Нет, Лерой! – говорю уверенно, не переставая улыбаться. Амиров, наконец, достаивает меня вниманием, но смотрит, как на назойливую муху. – Я выбрала тебя! С этого дня ты – мой...

Глава 10. Заноза

Лерой

– Ты мой! – заявляет решительно эта пигалица и сверкает для убедительности своими глазами-изумрудами. Держусь, чтобы не рассмеяться: такая важная, думает, что удивила!

– Арина, Пётр Константинович где? – обрываю её на полуслове.

– А...– шумно выдыхает она, не ожидая, что я и сам в курсе всего. – Он поднимается.

– Ну, хорошо. – Отвлекаюсь от своей нерасторопной секретарши и смотрю на съёжившуюся девчонку. – Как поднимется, жду у себя.

О том, что Ладыгина по совместительству оказалась Кшинской – грозой моих парней, я узнал накануне вечером, когда принимал рапорт от Михи. Мало того что эта девчонка пробралась ко мне в раздевалку и глазела на меня, как на экспонат в музее, так ещё и насочиняла, якобы её хулиганы заперли и били, чтобы Мишке жизнь мёдом не казалась. Да, прав был Петя, когда говорил, что характер у дочери скверный! А ещё и парни подлили масла в огонь. Что Миха, что Арсений своими байками о причудах Кшинской отбили всякое желание у остальных связываться с девчонкой, и я их отлично понимаю: рядом с этой Ариной – как на пороховой бочке. Поэтому, когда её отец набрал меня вчера, уже знал,

что придётся всё решать самому. Не хватало мне загубить репутацию «Гепарда» накануне его продажи!

Смотрю на Арину, которая ещё минуту назад казалась смелой, и замечаю, что та смущается. Щёки красные, пальцы нервно перебирают край коротких шортиков, да и глазки бегают, никак не решаясь взглянуть на меня. Пусть так! Мне проблемы с ней ни к чему!

– Света, – обращаюсь к секретарю, которая, в очередной раз напортачила с отчётами и даже не понимает своих косяков, – принесите мне в кабинет два кофе и какао.

Последнее слово специально произношу чуть громче и смотрю на Арину. Та, наконец, приходит в себя и бросает на меня колкий взгляд: мол, дядька, ты в своём уме – я уже большая! Она, и правда, повзрослела и стала весьма симпатичной. Только мне всё равно: глядя на неё, я вижу мелкую завравшуюся бестию с горой проблем.

Не могу сдержат улыбки, наблюдая, как Арина начинает закипать прямо на моих глазах, но лишаю её возможности высказаться, решительно развернувшись в сторону своего кабинета.

Арина заходит следом минут через пять, уже вместе с отцом. Рядом с Петей ведёт себя скромно, даже робко. Иди подумай, что такой ангелок довёл до белого каления двух моих лучших бойцов!

– Лерой, я уже не знаю, что и делать, – качает головой Петя, с укором глядя на дочь. – Но Арина обещала, что впредь

будет вести себя иначе и не заставит своего старика краснеть за неё. Верно, дочь?

– Да, папуль, – елейным голоском пищит та, явно переигрывая, но Кшинский ведётся.

– Ты, Арина, не мне, а Лерою! – вздыхает Петя. – Я-то к твоим выходкам уже привык...

– Валерий Таирович не пожалеет, – лисой обращается к отцу девчонка, а потом стреляет глазками в мою сторону. – Вот увидите, вы ещё расставаться со мной не захотите.

– Это вряд ли, – усмехаюсь я и перехожу к делу.

С Петей обсуждаем всё нюансы касательно моей работы, пока мелкая пьёт какао, погрузившись в свои мысли, а после и вовсе выпроваживаем девчонку к Свете, дабы не подслушивала взрослых разговоров.

– Нашёл крота в фирме? – спрашиваю Кшинского, который грозился разобраться с проблемами самостоятельно.

– Нет, – качает головой. – А деньги утекают со скоростью света.

– И что думаешь делать? Моих подключать?

– Нет, пока сам. Есть одна мысль... – Петя оглядывается на дверь, проверяя, закрыта ли та, а потом придвигается ближе с характерным скрежетом стула по ламинату. – Лерой, пробей человечка, а?!

– А конкретнее? – Терпеть не могу подобные просьбы! В конце концов, я не справочное бюро!

– Может, слышал о Макееве? – начинает издалека Кшин-

ский, а сам выжидающе смотрит на меня – ждёт, когда вспомню.

– Который у Соболева бизнес выкупил? – сухо уточняю. Этого придурка я знаю как облупленного.

– Да-да, Павел Макеев, – оживляется мужчина напротив. – Видишь ли, дела мы ведём схожие, но, вроде, и не пересекаемся. Слышал, что у Паши тоже какие-то там проблемы, и уверен, что объедини мы свои усилия, удержаться на плаву обоим стало бы легче.

– А объединить усилия ты хочешь через...

– Да, верно, хочу свести его с Ариной, – опережает меня Петя, довольно улыбаясь, словно говорит не о дочери, а так, о каком-то ненужном хламе. – А что? Макеев молодой, симпатичный, да и к дочери моей интерес проявляет. Почему бы и нет?

– Петь, ей только-только восемнадцать стукнуло. – В этот момент отчего-то становится жаль девочку, но с другой стороны – какое мне дело?

– И что? – недоумевает Кшинский. – Думаешь, её матери сколько было, когда мы поженились?

– Ладно, дочь твоя – дело твоё. Узнаю, что смогу. – Делаю пометку в ежедневнике и с шумом захопываю его, давая понять, что разговор окончен.

Петя тут же вскакивает и убегает по делам, оставляя мне в нагрузку свою дочь: мои обязанности начинаются здесь и сейчас.

Откидываюсь на спинку кресла и прикрываю глаза: моя верная спутница – адская головная боль – снова рядом.

Ближе к обеду выхожу в коридор. Арина сидит на диване, уткнувшись в телефон. На лице улыбка, а пальчики проворно бегают по виртуальной клавиатуре. Но стоит мне сделать пару шагов навстречу, как она тут же прячет гаджет и нагло так смотрит на меня. Ещё бы, играть роль пай-девички теперь не нужно: контракт подписан!

– Если какао больше не хочешь, поехали, отвезу домой. – Потираю виски, ожидая, когда подействует таблетка.

– Я не люблю какао, Лерой, – цокает язычком мелкая и встаёт на ноги, моментально оказываясь рядом. – И домой я не хочу!

– Ладно, говори, куда надо, – бросаю беглый взгляд на часы. – В ближайшие семь часов я полностью в твоём распоряжении, а потом – домой и баиньки!

– Это что, предложение? – Она проводит ноготком по лацкану моего пиджака, словно только что прошла мастер-класс по пикапу, а у самой голосок дрожит. Понемногу начинаю понимать её глупое рвение – получить меня в охранники любой ценой, но её детские влюблённые закидоны терпеть не намерен.

– Слушай сюда, девочка! – рычу, перехватывая её тонкое запястье своей ладонью. – Повторять не буду: любимая женщина у меня есть, а примитивные приёмы по соблазнению отрабатывай на таких же сопляках, как и сама. Уяснила?

Чувствую, что перегибаю палку. Я груб. И вижу по глазам девчонки, что цель достигнута: она обижена и раздавлена. Пусть так! Знаю по себе, что невозможные отношения лучше обрубить на корню.

Арина вырывает ручонку из захвата, а у самой подбородок трясётся, и в глазах явно собираются слёзы. Жду, когда расплачется, топнет ножкой, убежит или, того чище, начнёт угрожать отцом. Но Арина с силой тычет в меня указательным пальцем и зло выплёвывает:

– Однажды ты пожалеешь о своих словах! Домой поехали!

А уже после разворачивается и семенит к выходу.

В полной тишине везу Арину домой, изредка поглядывая на неё через зеркало заднего вида. Чёрт! Мне неловко. В конце концов, я взрослый мужик, который мог быть и помягче: она же ещё совсем девочка.

– Прости, – чеканю на очередном светофоре громко и чётко.

– Проехали, – бурчит под нос, всё так же глядя из окна автомобиля на залитый солнцем город, а потом резко оборачивается в мою сторону: – Ты реально подумал, что нравишься мне? Ты же старый! И некрасивый. И вообще, мне больше светленькие нравятся, с голубыми глазами.

– Отлично! – едва сдерживаю смех. – Значит, сработаемся!

Девчонка кивает и снова отворачивается к окну, но замечаю, что тоже улыбается.

– С Петром мы все обсудили, – решаю уточнить, пока опять не поругались. – Теперь, давай, с тобой обговорим детали. Я приезжаю каждый день к девяти утра и уезжаю в восемь вечера. В это время ты не отходишь от меня ни на шаг, уяснила?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.